

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

МКАД

Дмитрий Силлов

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов
Кремль 2222. МКАД

«Издательство АСТ»

2013

Силлов Д. О.

Кремль 2222. МКАД / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2013 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-077307-7

Толпы мутантов штурмуют Кремль. Но пока древняя крепость держится. Пока, потому что неведомый Черный Свет уже убивает людей, рискнувших спуститься в кремлевские подвалы. Еще немного – и смертельная опасность вырвется наружу, сжигая все живое на своем пути. Вокруг Кремля разгораются шпиги Излучателей, над Кольцевой дорогой вздымается в небо таинственный энергетический Купол, а на востоке, в центре Измайловской аномалии, разгорается Зеркало Миров. Лишь один человек, отец Филарет, сумел понять, в чем причина этой беды. Победить Зло в одиночку ему не под силу. Снайпер, Данила, Фыф, Настя... Судьба разбросала их по разным уголкам постъядерной Москвы. Но она же, судьба, сведет их вместе на зловещей петле МКАД, опоясавшей мертвый город.

ISBN 978-5-17-077307-7

© Силлов Д. О., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Хронология романов о Снайпере	5
Данила	6
Фыф	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. МКАД

...в лучших книгах всегда нет имён...

Борис Гребеников. Сельские леди и джентльмены

*...механизмы жизни могут быть вскрыты и обнаружены лишь
знанием механизмов смерти.*

Клод Бернар. Лекции по экспериментальной патологии

Хронология романов о Снайпере

Закон проклятого

Закон Снайпера

Кремль 2222. Юг

Закон Меченого

Закон наемника

Кремль 2222. Северо-Запад

Кремль 2222. Север

Кремль 2222. МКАД

Автор искренне благодарит замечательного писателя Александра Мазина за бесценные советы, полученные от него в процессе написания романа; редактора Петра Разуваева за самоотверженную работу над межавторским проектом «Кремль 2222»; администратора сайтов www.real-street-fighting.ru; www.sillov.ru и www.kreml2222.com Павла Мороза; корреспондента литературного портала www.litstalker.ru Сергея «Ион» Калинцева и администратора литературного портала www.stalker-book.com Виталия Градова за помощь в интернет-продвижении проекта «Кремль 2222», а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Данила

Пулемет бился в руках, словно детеныш дракона, плюющийся во врагов смертоносным, живым огнем, рожденным в глотке маленького чудовища. На взрослого сказочного дракона «Корд» не тянул. Снайпер рассказывал, что в его мире есть гораздо более страшные автоматические пушки, ракетные комплексы и еще какие-то штуки, названия которых Данила позабыл. Но ему вполне хватало его «Корда». Стального звереныша, короткими очередями изрыгающего раскаленную свинцовую смерть.

Нео, лезущие на стены Кремля по приставным лестницам, посыпались вниз, сбитые с перекладин крупнокалиберными пулями. Жуткое зрелище... С такого расстояния свинцовые цилиндры, похожие на наконечники бронебойных стрел, прошивали косматые тела насквозь, почти не встречая сопротивления. Красная кирпичная крошка, выбитая из стен тяжелыми пулями, словно картечь, хлестала по глазам мутантов. Верхние, поняв, что близкая – лапой подать – победа как-то сразу и вдруг превратилась в поражение, ринулись вниз по головам и спинам нижних, бросая оружие и раздирая крупными когтями косматые шкуры товарищей. Когда надо спасать свою шкуру, сохранность чужой заботит меньше всего...

Над кремлевскими стенами повис багровый туман – кровавая взвесь, замешанная на кирпичной пыли. Штурм захлебнулся...

Но это была еще не победа.

Над прянувшей от кремлевских стен толпой нео разнесся зычный рев, вклинившийся как раз между отрывистыми очередями «Корда», – и грязно-серая масса мутантов остановилась словно по мановению волшебной палочки. Еще немного, и войско нео вновь станет послушной боевой машиной в лапах талантливого вождя...

Копье просвистело в половине ладони от плеча Данилы. Второе летело точно в лицо, но дружинник, оторвавшись от пулемета, успел перехватить его на лету. Разворачивать полуметровую палку времени не оставалось, и он метнул ее обратно как было, тупым концом в надвигающуюся толпу косматых мутантов, самоуверенно называющих себя Новыми людьми. Попал или нет – не важно. Важно другое. Еще пара мгновений, и волосатые копейщики, идущие следом за второй волной нападающих, пошлют в стрелка хренову тучу своих металок... И тогда не спасет никакая выучка...

– Бей в череп! – раздался сзади чей-то крик.

Краем глаза Данила давно заметил сбоку от себя высокого воина в иноземных доспехах, который, отработав свое возле телег, сейчас стоял сложа руки на груди и спокойно наблюдал за битвой. То ли больно ловок и не опасается копья или стрелы в глаз, надеясь, что успеет отклониться или словить ладонью пернатый подарок нео. То ли просто выпендривается, удаль показывает, хотя и так показал только что – круче некуда. Похоже, он и кричал. Наверно, таким голосом мог заорать танк Т-010, который Данила пригнал в Кремль. Стальным, бесстрастным и громким, словно пушка грохнула.

О каком черепе кричал воин, Данила сообразил моментально. Обезьяны любят цеплять на себя всякие побрякушки по принципу, что не дурно, то хорошо. Вот и сейчас в толпе Новых, нацепивших на себя ожерелья из когтей, раскрашенные кровью деревянные доспехи и костяные шлемы, выделялся коренастый модник, напяливший себе на башку стальной череп боевого робота «Раптор В-1», вычищенный изнутри от электроники и подгнивших человеческих мозгов. Также у черепа отсутствовали обе челюсти, иначе его таким макарон не потаскал бы на себе и покойный Крагг, отличавшийся гипертрофированной мускулатурой даже среди своих мощных собратьев. Но и без челюстей ноша была нехилая, как весом, так и габаритами. Правда, понтовая, не отнять. Несомненно внушающая уважение и, возможно даже, вызывающая суеверный страх у подчиненных.

За грохотом очередей тяжелого пулемета сложно было сообразить, кто именно руководил Новыми, – стрелять надо было. Сейчас же, получив корректировку, Данила вновь приник к «Корду», резко повел стволом книзу и дал очередь. Последнюю, короткую, в два выстрела. Ибо больше патронов в ленте не было...

Над толпой нео, переворачиваясь в воздухе, в облаке кровавых брызг летел сильно помятый череп «Раптора». Не пустой. На этот раз наполненный мозгами и остальными частями головы вожака Новых людей, сорванной с плеч силой удара пули калибра 12,7 миллиметра...

Взгляды многих нео, вновь притормозивших, еще провожали голову вожака в последний путь, когда по толпе ударили из нескольких стволов автоматы Калашникова. Охрана обоза наконец разобралась с не особо привычным оружием (пара занятий по огневой подготовке среди дружинников явно маловато для того, чтобы стать приличным стрелком) и открыла огонь. Один автомат замолчал сразу – дротик, брошенный мощной лапой нео, пробил глаз стрелка и на два пальца вышел из затылка. Зато остальные четыре ствола посеяли изрядную панику среди Новых...

Они со всех ног разбегались кто куда. Их серые тени растворялись в близлежащих развалинах, как впитываются в рыхлую, обожженную землю вылитые на нее помои...

Их никто не преследовал. Догнать убегающего нео сможет лишь кремлевский дружинник на фенакодусе. Только кому это надо? Нео как серая плесень – очистишь от нее погреб, а через пару дней снова все стены мохнатые. Проще засыпать землей, а через месяц отрыть погреб заново. Только так можно вывести что одну заразу, что другую. Например, разом вырезать клан и сразу закопать трупы, чтоб не воняли и не распространяли вокруг себя дурные болезни. Хотя нет, с нео есть и еще один способ. Когда вождь клана становится твоим другом, как получилось у Снайпера с Гроком. Правда, большой вопрос, надолго ли она, та дружба...

Данила встал на повозке во весь свой немалый рост и оглядел поле боя...

Хорошо, что они успели вовремя...

Нео, увлеченные штурмом Кремля, не заметили появления в своем тылу каравана из полутора десятков груженных повозок, влекомых мощными, широкогрудыми турами. Охраняли караван двадцать дружинников в полной боевой сброе. На лицах – старинные противоосколочные очки. Головы защищают обычные островерхие шеломы либо древние шлем-каска, снабженные прозрачными пулестойкими забралами. Тела прикрывают от дубин и копий длинные кольчуги с коваными зеркалами или пулестойкими пластинами, вытасненными из старых бронжилетов. На руках – окольчуженные перчатки. У большинства воинов имеются стальные поножи и наколенники, сохранившиеся еще со времен Последней войны. Кремлевские своих дружинников всегда снаряжали лучшим, ибо им самые трудные задания доставались. Как сейчас, например, – доставить на северо-западный рынок груз золота и обменять его у людей Зоны Трех Заводов на необходимое Кремлю оружие...

Однако по возвращении обнаружилось такое вот безобразие – очередная волна мутантов, лезущих на стены.

Дружинники, оценив обстановку, сориентировались мгновенно. Бросаться в гущу мутантов, обнажив мечи, было делом глупым и безнадежным. Потому сотник Еремей проорал:

– Повозки в круг!

И воины принялись сноровисто сооружать гуляй-город. Ловко выпрягли туров, поставили повозки в круг. Оставалось немного – воткнуть в пазы телег большие щиты, разобраться с огнестрелом и открыть огонь по Новым из довольно надежного укрепления, которое даже эдакой толпе мутантов взять с наскока не получится – разве что прекратить штурм, развернуть свою армию и атаковать разом, захлестнув лохматой массой немногочисленную охрану каравана. Дружинникам нужно было еще от силы минут пять – семь... которых у них не оказалось.

Какой-то лохматый нео, относительно щуплый по сравнению с сородичами, ждал своей очереди на лестницу, стоя в числе последних. Таким обычно достается то, чем побрезговали

большие и сильные. Правда, и выживают они чаще... Короче, стоял он, стоял – и обернулся. То ли вша за задницу куснула, то ли прикидывал, как будет сваливать в случае, если злодейка-судьба преподнесет ему очередной неприятный сюрприз. В общем, повернул башку обезьян и через головы соплеменников разглядел тот самый неожиданный подарочек, который готовили позади толпы Новых людей зловредные хомо.

Ну и завершал соответственно, словно ему в детородный орган стальная сколопендра впилась.

Конечно, на его вопли обратили внимание не все, уж больно цель была близка. Вот они, красные стены, за которыми в изобилии вкусные бабы и их детишки – нежные, тающие в пасти... А тут какой-то вахлак орет как потерпевший, перекрывая омерзительным визгом боевые кличи настоящих воинов. Чудом не дали дубиной по лысеющей макушке. Но не дали почему-то. И даже некоторые тоже обернулись...

Сотник Еремей закусил губу. От колышущегося, косматого моря отделилась волна. Пока небольшая, голов в тридцать. Но вполне достаточная, чтобы связать битвой дружинников и не дать им достроить гуляй-город. А за первой волной обязательно пойдет вторая. И третья. И тогда – всё. И своим не помогли, и груз не довезли, который ой бы как сейчас пригодился там, на стенах...

Еремей раздосадованно сплюнул под ноги и слаженным движением обеих рук вытащил из ножен два меча одинаковой длины. Это пусть молодежь с новыми скорострельными фузеями разбирается. Старым воякам, отмеривающим четвертый десяток весен, с привычным оружием в руках помирать интереснее.

Сотник прыгнул с повозки, рывкнул:

– Всем работать, вражьи дети! Я их задержу!

И удивился.

Откуда-то слева из-за развалин ГУМа возникла высокая фигура в иноплеменном латном доспехе. На бедре неместного дылды висел длинный меч-бастард, едва не чиркая наконецником ножен по брусчатке Красной площади. Еремей видел этого типа пару раз мельком, говорили, вроде он то ли князь, то ли король у пришлых вестов, что посад у стен Кремля отстроили и теперь Форт восстанавливают. Но вот какого хрена этот король тут делает, вместо того чтоб со своими людишками за красными стенами отсиживаться, неясно.

Между тем князь-король спокойно подошел, встал рядом с Еремеем и легко, словно пушинку, выдернул из ножен нелегкий бастард.

– Не помешаю? – пролаял он с легким акцентом.

– Стой, хрен ли... – буркнул Еремей, не спуская глаз с надвигающейся группы нео, до которой оставалось метров двадцать...

Первого, самого быстрого бегуна сотник принял на острие левого клинка. Ткнул как новогоднего поросенка под левый сосок, ушел от удара тяжелой дубиной, стряхнул с меча миготом отяжелевшее тело. Когда эдак с наскока враг сердцем на сталь напарывается, то не мрёт сразу, а обычно огорчается сильно. И уже не об атаке думает, а о том, как ему не повезло и что теперь будет. А ничего больше не будет. Ноги подкосятся сами по себе, брусчатка ударит сначала по коленям, потом по обезьяньей морде. И покатишься ты, миловик, по инерции под телегу, где тебе, дохлому, самое и место, чтоб под ногами не путался...

Второй и третий оказались хитрее. Прыгнули не прямо на обоерукого воина, а маленько сместившись вправо и влево и при этом целя дубинами по оружным рукам сотника. Грамотно... Но больно уж на силу свою надеялись, рассчитывая с одного захода перебить локти хомо, а уж потом додавить как получится.

Но получилось никак. За долю мгновения до того, как дубины, утыканные обрезками арматуры, коснулись его тела, Еремей успел сделать быстрый скользящий шаг вперед и вернуть врагам то, что они собирались сделать с ним. А после, не сбавляя скорости хода, просто слегка

повернуться и проскользнуть меж двумя нео, которые удивились сильно. Вдруг оказалось, что каждый из них дубину держит одной рукой. А вторая лишь держится за оружие, перерубленная в локтевом суставе.

По той причине у двоих теперь уже одноруких нео вышла заминка. Притормозили, соображая, что ж теперь делать. То ли продолжать дубину держать, то ли бросить ее и подержаться напоследок за отрубленную часть тела. Жалко же, жил-жил себе, каждый день этой рукой морду чесал и много где еще, а тут вот она. Вроде как своя, а вроде уже и нет.

В общем, пока они определялись, Еремей им по шеям клинками рубанул синхронно, будто большими ножницами. Ибо случается, что новоиспеченные инвалиды, осознав потерю, звереют страшно, и тогда с ними биться неуютно. Потому что, когда живому существу, покалеченному смертельно, все по барабану и терять нечего, оно страшнее троих целых воинов вместе взятых.

Головы Еремей не срубил, больно шеи у нео оказались толстыми. Но позвонки под клинками хрустнули. Не услышал за грохотом боя, ладонями через рукояти почувствовал. Значит, более эти двое неопасны. И смотреть, как упадут безвольные тела косматых, необязательно – видел уже такое за долгую жизнь, и не раз. Тем более что сейчас есть дела поважнее...

NewtonC Еремей развернулся на каблуках – и вдруг осознал, что не успевает уйти от шипастого шара, стремительно летящего прямо в переносицу. Только мысль промелькнула: «Откуда обезьян боевой цеп раздобыл?..»

В лицо ударило... Но не смертоносным железом, а горячим воздухом. Словно ослепительная молния промелькнула перед глазами – и шар развалился в воздухе на две половинки, будто гнилое яблоко.

«Меч... Но почему так сверкает?»

Бывает такое – в минуту смертельной опасности время замедляется, и ты видишь все в деталях, четко и ясно. Вот и Еремей сумел рассмотреть, как клинок веста, рассекающий железо, при соприкосновении с цепом осветился неземным пламенем. Колдовство, что ль, какое? Но с этим потом. Главное – жив, остальное приложится.

– А ты неплохо рубишься, долговязый! – рыкнул Еремей, отметив, что, разрубив железяку, угрожающую его жизни, князь вестов противолом рассек брюхо ее хозяину. Удар был несильный, ибо наносился из неудобного положения, снизу вверх. Но цель была достигнута. Теперь владелец боевого цепы улепетывал прочь, путаясь ногами в собственных кишках и пронзительными воплями, полными боли, деморализуя остальных нападающих.

– Взаимно, коротышка! – расхохотался вест. Наверно, такой звук мог бы издать цепной волкодав, живущий на подворье Еремея, если б вздумал посмеяться.

Толпа нео, поняв, что мечников не взять с наскока, тормознула и растеклась в стороны полукольцом.

– Спина к спине! – скомандовал Еремей, бросив быстрый взгляд назад.

Нормально. Полминуты осталось продержаться. Ребята работали как заведенные. Щиты уже почти все в пазах, вон на заранее сколоченную стойку Никитка пулемет уже установил и ленту заряжает...

Но иногда полминуты – это очень много.

Нео ринулись разом. Безумные глаза, оскаленные пасти, мохнатые лапы, занесенные для удара. Одно-единственного. Синхронного. Чтoб в несколько дубин разом взять двоих хомо, так быстро сокративших на треть их отряд...

Еремей прыгнул навстречу нападающим, уверенный, что вест сделает то же самое, – и, приземлившись, сразу же ушел в перекал. Вниз. Под ноги Новым, рубанув обоими мечами одновременно.

Одному обезьяну попал точно куда метил, по подколенному сухожилию. Второй успел увернуться, лапу задрал кверху, словно плохой танцор в трактире Бармы. Ну Еремей и саданул

ловкому нео тяжелым навершием рукояти меча по волосатым колоколам, открывшимся под набедренной повязкой. Обезьян взвыл...

Но этот вой раздался уже за спиной сотника.

Прорвавшись сквозь шеренгу атакующих, Еремей вскочил на ноги. И понял, что его долговязый союзник попал в переделку. Вместо того чтоб попытаться прорваться, он остался на месте и сейчас отчаянно рубился с целой толпой мохнатых. Самого мечника Еремей не видел, лишь мелькнувший над мохнатыми затылками отблеск длинного клинка поймал взглядом.

– Держись, вест! – взревел сотник, рассекая ближайшую грязную спину двумя параллельными ударами мечей...

Потом было еще секунд пятнадцать, которых Еремей после не мог вспомнить, как ни силился. Может, потому, что чья-то дубина все же скользким ударом заехала по шелому. А может, просто накрыло сотника, хотя до этого за всю жизнь ни разу не пришлось ему испытать боевой ярости жука-медведя. Как бы там ни было, но очнулся Еремей, лишь когда все было кончено. Да, от кремлевских стен неслась на них вторая волна мутантов, но сотник видел, как Данила приник к пулемету и послал первый веер невидимых стрел по штурмующим, а вторым хлестнул понизу. Значит, пора и нам убираться под защиту гуляй-города...

Вест уже стоял на одной из телег, скрестив руки на груди и глядя на поле битвы. Опытным глазом Еремей отметил – не просто так долговязый изображает из себя памятник. Морда бледная, а левая рука уж больно неловко в локте согнута. Небось перепало дубиной. Ну и ладно, пусть отдыхает, заслужил.

Вторая волна нео, голов в пятьдесят, разбилась о телеги гуляй-города словно кусок дерьма, брошенный в забор. Дружинники ударили разом. Синхронный бросок коротких сулиц, а после мечами в рыло тем, кто попытался перелезть через деревянные щиты. Любо-дорого глядеть, как работали. Даже не понадобилась помощь автоматчиков, изготовившихся к стрельбе на случай, ежели мохнатые прорвут оборону. Короче, обломались обезьяны с атакой, лишь одному, самому молодому дружиннику прилетело в лицо вражье копьё. Но то доля воина. Главное, что остальные живы. И сейчас настало их время метать из диковинных скорострельных фузей огненные стрелы. А мечникам можно немного перевести дух, а после взяться за арбалеты. Чем меньше обезьян уйдет с залитой кровью Красной площади, тем лучше.

– Ты что ж, дурила, на месте стоял? – спросил сотник у веста, пряча окровавленные клинки в ножны. – Али не учили с толпой биться?

– Учили, – криво ухмыльнулся тот. – Но по-другому.

– Хреново учили, – буркнул Еремей. И добавил: – Ничо, поправим. Чего не умеешь – подскажем.

– Взаимно, – ощерился вест. И вдруг заорал, зычно, во всю глотку, перекрывая треск пулемета Данилы:

– Бей в череп!

Еремей проводил взглядом летящую над толпой обезьянов голову их вождя, кивнул и положил обратно подхваченный было заряженный арбалет. Без вожака нео не воюют. А значит, битва окончена...

Данила устало снял шлем и сплюнул под ноги вязкий комок. Воздух был насыщен красной пылью и черной копотью. Что-то горело в районе разрушенного Форта. В кровавых лужах тлели факелы, которыми нео поджигали обмотанные тряпками метательные копыя. По всей Красной площади, насколько хватал взгляд, валялись сломанное оружие и изломанные, неподвижные тела.

«А ведь они почти люди, – невольно подумал дружинник. – Только что мохнатые, да морды звериные. Говорят так же, как и мы, – если подучить, конечно. Почему же они так ненавидят нас? Зачем по несколько раз в год лезут на эти стены?»

Ответов не было. Было только поле битвы перед глазами и запах смерти, забивающий ноздри и легкие.

Данила отвернулся. Что толку гонять в голове пустые мысли? Если хотят убить его и тех, с кем он вырос, с кем учился выживать в этом страшном мире и делил последний кусок серого хлеба, значит, он тоже будет убивать. До тех пор, пока рука держит меч, а приобретенные навыки позволяют стрелять из нового оружия. Так, как учил это делать Снайпер...

С воев уже снимали тяжелые щиты. Дружинники внове запрягали испуганных туров, всю битву смирно простоявших в центре гуляй-города, плотно прижавшись друг к другу.

А из кремлевских ворот выходили люди. Многие со всех ног бежали к дружинникам, спешили помочь. Что ж, помощь была нелишней. Из всего отряда погибли двое (еще одному воину дубина огромного неоразнесла череп вместе со шлемом), но почти половина мечников, бившихся с неоразле щитов, была ранена. На первый взгляд легко, некоторые даже пытались шутить. А вот к вечеру, как пройдет боевой азарт, все еще бурлящий в крови, станет ясно, как оно обстоит на самом деле.

– Пошли, что ль, – буркнул сотник Еремей, проходя мимо Данилы. – И хрень всякую насчет этих неораз башки выбрось. Или мы их, или они нас.

– Да знаю я, – вздохнул Данила. – Вот только все понять не могу – откуда их берется столько? Месяца не прошло с последнего штурма, и вот опять...

– Гон, – коротко бросил на ходу сотник. – А про то, откуда муты в таких количествах берутся на наши головы, у отца Филарета надо спрашивать. Или вон, у семинариста. Говорят, он шибко башковитый. Вестов привел, языку боевых роботов обучился, с Садовым Кольцом разобрался. Если не брешут, конечно.

Данила замедлил шаг.

Парнишке, на которого указал Еремей, было от силы весен восемнадцать от роду. С виду – типичный книжник, грамотей, которых в Семинарии учат всяким полезностям. Например, лук под землей растить, звезды считать, в старых книгах копать. Ну про лук-то оно понятно, без него от цинги сдохнешь. А вот насчет необходимости остального у Данилы имелись серьезные сомнения. Хотя этот пацан оказался побойчее остальных. Получается, если б не князь вестов, прикрывший дядьку Еремею от вражьего цепа, вполне мог бы сотник лежать сейчас накрытым холстиной с головой рядом с погибшими дружинниками. А князя того длинного вместе с остальными вестами именно этот пацан и привел.

– Говорят, ты с Кольцом разобрался? – хлопнул Данила парня по плечу.

Тот от такого знака расположения слегка присел, но виду не подал, что оробел перед закованным в сталь дружинником.

– Разобрался! – ответил было с вызовом. И, тут же вздохнув, махнул рукой: – Ничего я не разобрался. Одни вопросы.

– Это ты брось! – решительно сказал Данила. – Вопросы вопросами, но реальные дела важнее. Вон сколько ты народу спас. И вестов с их князем, и кремлевских. Я видел, как твои пришлое сородичи рядом с нашими на стенах бились, а это дорогого стоит.

– Бились, – немного повеселел парнишка. – А тебя как звать?

– Данилой.

– Ух ты! – восхитился книжник. – Тот самый, что танк в Кремль пригнал?

– Ага, – поскуцнел дружинник. Быть «тем самым, который...» ему уже немного надоело. Хотелось быть просто самим собой. – Тебя-то как кличут?

– Бориславом, – солидно ответил книжник. И тут же полюбопытствовал: – Расскажи, что там, за Кольцом?

– Все расскажу! – пообещал Данила. – Но позже. Кстати, это ж ты подбил князя на экспедицию к Садовому?

– Я, – улыбнулся Борислав.

– Это правильно, – кивнул Данила. – Нельзя более за стенами отсиживаться. Нужны регулярные вылазки. Все дальше и дальше. Чем больше мы узнаем о мире, что нас окружает, тем вернее сможем бороться с врагами, которые пытаются нас уничтожить.

– Верно, – рассеянно кивнул Борислав. – Да только не отдельные вылазки нужны. Нужна экспансия.

– Для экспансии у нас пока кишка тонка, – невесело хмыкнул Данила. – Людей мало, чтоб границы владений расширять. Хотя...

Данила задумался. В Кремле и вправду народу мало, только-только крепость удержать. А с такими штурмами по два раза в месяц скоро и того не останется. Но ведь живут же люди за МКАДом! И, судя по качеству товаров, закупленных на рынке, живут неплохо.

Странное слово «МКАД» он услышал там же, в торговой Мертвой зоне, где капля крови, упавшая на землю, стоит очень дорого – целую жизнь. И там же узнал, что МКАДом называют широкую асфальтовую петлю, опоясывающую Москву.

– Из-за МКАДа вся нечисть к нам и лезет, – степенно пояснил торговец Зоны Трех Заводов, оглаживая широкую как лопата рыжую бороду. – Как вы в своем Кремле выжить умудрились – ума не приложу.

Данила тогда смолчал. А что скажешь? Прав бородатый. Не живем – выживаем... А хотелось бы именно жить, тратя силы не на отражение бесконечных штурмов, а на развитие общины...

Тур, ведомый дружинником за массивное кольцо в носу, ткнулся влажной ноздрей в ладонь. Мол, хорош, парень, дурные мысли гонять. Дом близко, живыми до Кремля добрались, а это главное! Ну да ему, всеядному, главное – свежая жратва да теплое стойло. Данила же реально заморочился. Второй раз возвращается в Кремль, как раз когда мохнатые уже почти на стенах. А ну как в третий раз не успеет?

Въезжали в Кремль через Спасские ворота. В древности, говорят, они парадными были, через них только цари, патриархи да послы в крепость входили. Сейчас же все проще. Если по доброму кто попросится – впустим. Только в последнее время чаще и чаще хотят осадными машинами свернуть массивные, обитые железом створы. Для таких на отводной стрельнице стоят дружинники с автоматами да стрелометами. Да еще котел со смолой дымится, правда, сейчас, наверно, пустой. Вон возле самых ворот черная лужа, в которой жуткими, неподвижными кучами горелого мяса застыли три мертвые туши нео.

Туры огибали это место осторожно, кося на трупы налитыми кровью глазами. Чуть отпусти кольцо, ринется лохматый бык вперед, подденет тушу гнутыми рогами и примется рвать зубами обезьянину, свисающую прямо на морду. Хоть и домашняя тварь тур, но все ж мутант, жрущий любую органику, которую прожевать сможет. Впрочем, человек от рогатого зверя недалеко ушел. Только изображает из себя высшее существо с мудрыми зенками. А копни чуть поглубже – хуже тура. Те хоть себе подобных не жрут...

Караван шел мимо Военной школы. Черные проемы окон, похожие на мертвые глазницы черепов старинных боевых роботов... Закопченные стены с облупившейся штукатуркой... Массивные железные двери, черные от гари... Несколько зажигательных зарядов нео, пролетев над кремлевской стеной навесом, долбанули по мощным стенам Школы, впрочем не причинив им вреда. Чего нельзя сказать об остальных постройках. Вон народ на той стороне Ивановской площади тушит нижний ярус колокольни Ивана Великого. Почти закончили уже, пламени не видать, только дыму много. Интересно было бы узнать, кто научил обезьянов строить осадные машины? В прошлый штурм так лезли только с лестницами. Сейчас же явно подросли в технологиях. Еще немного – и начнут по стенам из пушек палить. И ладно, если из чугунных, а не из тех, о которых рассказывал Снайпер. Хотя и чугунными пробить пролом в красной стене – лишь вопрос времени и упорства...

Телеги с грузом втянулись на Ивановскую площадь и остановились.

На обозников мрачно смотрело черное жерло Царь-пушки, заряженной крупной картечью. Если не прорвут оборону Спасских ворот, придется страшному оружию выстрелить в первый раз за всю историю. И наверно, в последний. Заряжать такое орудие – целое дело, так что стоит она, начиненная смертью, как оружие последнего шанса. Хотя в такой шанс Данила не верил. Если обезьяны ворвутся в Кремль, то уже не спасет людей никакая пушка.

Принимать обоз вышел сам князь в сопровождении пяти дружинников. По-братски обнял сотника Еремея, похлопал по плечу. О чем говорили, Данила не слышал, да и не прислушивался. Не его дело. И так понятно, расспрашивает князь, какой была дорога да что привезли. А Еремей отвечает, что дорога была не ахти, но доехали почти без потерь. И довезли всё в целости. Полсотни стальных стволов для крепостных пушек, стреляющих черным порохом, к ним четыре тяжелых ящика с картечью. Еще взяли сотню полтораручных мечей отличного качества. Правда, без рукоятей, лишь с хвостовиком под сквозной монтаж. Но рукояти сами из дерева выточим и кожей оплетем, не проблема, причем каждый – под свою руку. Еще купили большой короб с наконечниками для бронебойных стрел. Такой, если из арбалета со стены стрельнуть, не насквозь прошьет и еще достанется тому, что сзади бежать будет.

Правда, дорого взяли люди Зоны Трех Заводов за свой товар. Даниле хватило получаса, чтобы пошататься по рынку и выяснить цены. Но уговор – дороже золота. И потом – что греха таить – добротное оружие смастерили заводские. В кремлевской подземной кузне такого век не смастерить. Ее только и хватает на починку доспехов да правку затупившихся мечей, для большего нет ни мощностей, ни материалов. Каждая срезанная в рейде арматурина на счету...

Князь тем временем выяснил что хотел, еще раз хлопнул по плечу Еремея и, подойдя к дружинникам, лично пожал каждому руку. Не побрезговал, что ладони у воинов черные от сажи и запекшейся крови. Все-таки правильный у нас князь, что ни говори. И для каждого воина нашлось у него доброе слово.

– А тебе, боярин, благодарность особая, – сказал он Даниле, подойдя вплотную. – Без твоего золота не видать бы нам оружия.

Данила даже смутился слегка.

– Да не мое оно, – буркнул. – Я ж кремлевский. Всё, что мною добыто, Кремлю и принадлежит.

Князь ничего не ответил, лишь крепко сжал ладонь воина. И рука у него правильная, приученная не только указы подписывать, но и меч держать. То сразу чувствуется. На Руси ж как. Можно ничего не говорить. Достаточно руку пожалать человеку – и сразу все про него ясно.

А князь со свитой уже направлялся к обозам – оружие смотреть. И сотник с ними. Данила поискал глазами веста с книжником-Бориславом, но не увидел. Жаль. Они тоже княжью благодарность заслужили, но, видать, постеснялись пойти вместе с дружинниками, отошли в сторону и затерялись среди суетящегося кремлевского люда.

В общем, остались обозники возле Царь-пушки.

– Раньше говорили: мавр сделал свое дело – мавр может уходить, – хмыкнул Никитка, здоровущий молодой парень. Любил Никитка отираться возле Семинарии, у книжников листки березовые менял на пайковый хлеб и мед, ковырялся в буквах, типа читал. Оттого и словом умным любил повыпендриваться. Причем не своим, а чужим, сказанным тыщу лет назад. Такое слово и оспорить неудобно, сочтут если не слабоумным, так неучем точно.

– А ты чего ждал? – удивился Данила. – Что тебя сейчас вокруг разбитого колокола носить будут и песни петь во славу подвига твоего невиданного? Долг выполнил – и молодец, воюй дальше. Такова работа дружинная.

И, перехватив взгляд сотника, кивнул остальным.

– Всё, хорош на месте торчать, словно ледяным гейзером замороженные. Пошли в Кавалерийский корпус. Надо с дороги себя в порядок привести да отдохнуть маленько...

Трехэтажный корпус конной элиты Кремля примыкал к Большому Дворцу, где жили люди военные – сменная стража стрельцов, охраняющая стены, артиллеристы, заведующие пушками, зенитчики, отстреливающие летучих мутантов. Когда Данила неделю назад пришел в Кремль, чтоб снарядить экспедицию за оружием, то узнал, что на Кавалерийский корпус претендуют опричники, боевое подразделение Тайного приказа, появившееся не без косвенного участия Данилы. Мол, проглядели дружинники измену, воевода Ратмир Кремль предал, с нео снюхался, хотел им крепость сдать, ворота открыть. Надобна сильная рука в Кремле, чтоб с корнем выдирать заразу до того, как она расцветет пышным цветом... Признаться, до истории с Ратмиром случаи измены в Кремле были крайне редки, и приказные обходились помощью дружины. Те, хоть и скрипели зубами, но кого надо хватали, так как благо Кремля превыше всего. Однако, когда измена прокралась в саму дружину – Ратмир-то до своего воеводства дружинником был – глава Тайного приказа продавил-таки через князя давно вынашиваемую им и его предшественниками идею – создать в составе Тайного приказа свое военизированное подразделение...

В общем, напели сыскари князю в уши, он и учредил опричнину. Во времена стародавние при царе Иване Грозном, говорят, было войско с таким же названием. Не столько воины, сколько каратели. Еще в отрочестве видел Данила древнюю книгу-летопись города Пскова, в которой запись была: «Царь учиниша опричнину... И от того бысть запустение велие Русской земли». Правда, сами опричники говорили, что ничего общего с историческими предшественниками у них нет, кроме общей цели – ловить изменников и отправлять их на справедливый суд.

В итоге четыре десятка молодых, крепких парней, сыновей мастеровых да пахарей, оделись в музейные черные рясы, подвесили к поясам короткие дубины, кривые сабли, стальные кандалы – и стали не шапочно знакомыми парнями с Потешного дворца, а какими-то другими. Чужими. Вроде и кремлевскими, а вроде и нет.

Вот эту шайку в полном составе и увидели дружинники возле дверей Кавалерийского корпуса. Стояли опричники вольготно, подбоченясь, на землю поплевывали сквозь зубы небрежно, будто хозяева на своем подворье. И самый здоровый среди них – впереди. Морда красная, как кирпич, и слегка облезлая. Плечи раза в полтора пошире Данилиных, да и росточком на полголовы повыше. Таких богатырей дружинники в Кремле ранее не встречали среди простого люда, оттого и удивились маленько. Не то чтобы испугались – и не такое видавали, просто вопрос возник, неразрешимый с ходу, откуда такой человек в крепости завелся.

– Идите-ка вы во дворец, обознички, – ощерился опричник, растянув улыбку от уха до уха и показав крупные желтые зубы. – Артиллеристы на третьем этаже потеснятся, я уже с ними договорился.

И потер кулаки, каждый величиной с помойное ведро.

Надо сказать, что, как только стали люди жить на поверхности, сразу решили они переоборудовать помещения Кремля под житейские нужды. Внутренняя роскошь и убранство Большого Дворца за двести лет большей частью превратились в труху, а вот стены сохранились неплохо. Единственное – крыша протекала, и, сколько ее ни латали, ядовитые дожди все равно находили щелку в кровле. И чаще не одну.

Артиллеристы сами вызвались – мол, нам сверху обзор лучше, мы на третьем жить будем. А крыша – хрен с ней, пусть течет. Где сможем – подлатаем, где нет – переживем. И даже несколько малых пушек умудрились наверху установить на случай вражьего прорыва.

Не то чтоб зазорно было дружинникам пожить соседями с веселыми артиллеристами. Приказал бы сотник или воевода – и на крыше дворца б расположились с удобствами. Но красномордый князь из грязи в качестве распорядителя – это уж совсем ни в какие ворота.

– А с нами договориться ты, по ходу, и позабыл, – задумчиво проговорил Данила.

Всякие переговоры такого рода дружинники с недавних пор безоговорочно доверяли Даниле – конечно, когда рядом не было дядьки Еремея. Пусть Данила в науках не особо силен, но хитер словно лис, известен серьезным подвигом, да к тому же боярин. Ему и говорить.

– Ай, чего с вами договариваться? – снова осклабился опричник.

Голос у него для такого сложения был немного пискляв, а когда морду растянет да сквозь зубы слова цедить начинает, вроде и нормально.

– Переговоры удел воинов, – продолжил опричник. – А ваша доля теперь с телегами да с турами беседовать. Народ молвит, подрастеряли дружинники силушку богатырскую. Меч в руках не держится, легкими быстрострельными фузеями теперь воюют, с которыми и мелкий пацан управится.

Краем глаза Данила видел, как пошли пятнами усталые лица его товарищей. У большинства руки потянулись к мечам. Оно и понятно, за такие слова язык отрубают вместе с головою. Но не на территории Кремля. И не своим... которые теперь стали так похожи на чужих.

– И не говори, земляк, – вздохнул Данила. – Подустали мы преизрядно.

И тут же почувствовал затылком удивленные взгляды спутников. Даже бугай красномордый приподнял бровь в недоумении и почесал в затылке.

«Неужно так легко всё пройдет?» – читалось в его взгляде.

Расплылись в презрительных ухмылках откормленные ряхи его пристяжи. Не зря ребятки с малолетства при пекарне росли, поди, как ходить научились, воровали муку да лепешки. С воды да серого хлеба такие морды никак не нажрешь.

– Зато ты вон какой вымахал, – продолжал Данила. – Больше любого дружинника. Шапку да малахай снять – прям вылитый нео, из Поля Смерти выползший. Не с того ли рожа у тебя так облезла, опричник? Да и сдается мне, что голосок девчачий у тебя неспроста прорезался, и от прожарки в Поле пострадала не только морда...

Конечно, предположение Данилы было диким. Вряд ли человек в своем уме полезет в красное Поле Смерти. Но опричник внезапно бросился вперед, причем намного быстрее, чем можно было ожидать от такой туши.

Пудовый кулак смазанной от скорости тенью взлетел вверх, готовясь разmozжить лицо дружинника. Уйти от такой атаки было нереально, тем более что между Данилой и опричником было от силы пять шагов. Две трети расстояния красномордый пролетел за долю мгновения, прыгнув с места слишком резко и слишком мощно даже для тренированного бойца.

Потому оставалось только одно...

Данила быстро сделал единственный шаг вперед, одновременно слегка приседая на обеих ногах. Поворот корпусом, отводящее движение левой рукой – и удар опричника лишь скользнул по шлем-каске. А потом красномордый громко хрюкнул, словно дикая свинья, напорováшая на копьё.

Вроде несложная конструкция – рука, согнутая в локте, будто собрался кружку с пивом в себя опрокинуть. Но Снайпер говорил, что если руку в таком положении напрячь да воткнуть в грудь противнику, вложив в удар вес всего тела, то и убить человека можно запросто. Нижняя часть мечевидного отростка грудины отламывается и втыкается в сердце не хуже ножа. Секрет лишь в том, чтоб руку поставить правильно да в нужную точку попасть.

Убивать опричника Данила не хотел, потому метил на два пальца ниже смертельной точки. И попал куда примеривался, прямо в солнечное сплетение. Но при этом сам едва на ногах устоял – разгон у противника был неслабый, да и вес пудов десять, не меньше.

Опричник выпучил глаза, хватанул воздух пастью. Согнуло его немного от удара, но, тем не менее, на ногах он устоял. И даже попытался схватить дружинника огромными лапами. Перспектива не из приятных. Попадешь в эдакий капкан, и если живым выйдешь, то лишь с переломанными костями.

Потому пришлось добавить. Данила захватил обеими руками толстенную шею опричника и саданул коленом туда же, куда до этого локтем. В «солнышко». Сам по себе удар малопрятный, а с учетом стального наколенника и подавно.

Опричника скрючило еще сильнее.

– С-сукххр... – раздалось снизу.

Данила едва успел повернуться боком. Страшный удар рукой снизу вверх шел точно в пах, и, не увернись дружинник, на девок можно было б больше не заглядываться. Кулак опричника ударил в бедро, нога сразу заныла. В нерв попал красномордый. Черт! Теперь хромать с неделю придется. Но это потом. А сейчас надо заканчивать, пока тупая, ноющая боль не парализовала ногу.

Башка опричника соломенной копной маячила на уровне живота. Правая рука Данилы скользнула противнику под подбородок. Захват левой рукой запястья правой – ну и шея у красномордого, еле руки сошлись – и вражья голова в «мертвой петле». Теперь всего-то делов осталось – напрычь бицепсы да чуть прогнуться назад.

Красномордый захрипел, забился в удушающем захвате, но Данила держал крепко. И вдобавок, чтоб еще не получить кулаком по ногам или по чему еще, саданул пару раз коленом вслепую. Куда попадет, туда и ладно.

Опричник дернулся – и обмяк, кулем повиснув в петле, сплетенной из тренированных рук. Данила подержал еще ровно столько, сколько потребно, чтоб глубоко вдохнуть и не торопясь выдохнуть, – и разжал захват.

Красномордый мучным кулем рухнул на землю. Нормально. Главное – не убил, это точно. Отлежится с полчаса, глядишь, сам поднимется и до своих доковыляет.

– Шли бы вы сами на третий этаж дворца, ребята, коль вам в Потешном дворце стало жить тесно и не по чину, – сказал Данила опричникам, стараясь не показать, что с ногой у него не все в порядке. – Только артиллеристов не обижайте. Узнаю – каждому лично ухи надеру. Вопросы есть?

Вопросов не было. Лишившись жоака, опричники разом подрастеряли бравый вид и стали похожи на стайку откормленных кутят, потерявших мамку.

– Всё понятно, Данила Дмитриевич, уходим уже, – пробормотал ражий, синеглазый детина с саблей побогаче, чем у остальных. Ему бы с таким розовощеким портретом в трактире девкам мозги пудрить, а не у дружины казарму отжимать.

– Ишь ты, отчество вспомнили, – хмыкнул Никита, отпуская рукоять меча. Из-за розового шрама, пересекавшего левую щеку от угла рта до уха, ухмылка получилась недружелюбной. При прошлом штурме Кремля копьё не распорол парню лицо, и лишь недавно зажила жутковатая с виду рана.

Опричники уходили спешно. Попытались поднять жоака, слабо шевелящегося на земле, потом плюнули на это нелегкое дело и всей толпой менее чем за минуту скрылись за углом Дворца.

– Не аукнется тебе этот хряк? – поинтересовался Степан, высокий, худой и жилистый, словно сплетенный из канатов.

– Лучше так, чем если б мы эту ватагу мечами покрошили в фарш, – поморщился Данила. – Половина из них уже за сабли схватилась, да и вы, вместо того чтоб пинками олухов разогнать, давай мечи лапать.

– Дык это, рефлекс же, – попытался оправдаться слегка побледневший Тимоха, самый молодой из дружины. – Они, ёшкина кошка, за сабли, ну и мы – за мечи. Ежели чего, плашмя бы били, не рубить же придурков в самом деле...

– Ладно, это проехали, едем дальше, – вздохнул Данила, слегка подивившись – с чего бы это Тимоха лицом побелел? Вроде парень не из трусливых, скорее, наоборот. Но спрашивать

ничего не стал, сказал только, ко всем обращаясь: – Пошли, что ли, доспех чистить, мыться. Да и пожрать бы чего не мешало...

На первом этаже Кавалерийского корпуса находились хозпомещения. Мастерская, оружейня, столовая, прачечная, банька с отводом лишнего пара через хитрую систему труб. Второй был полностью задействован под несколько тренировочных залов. И лишь третий этаж занимал жилой блок. По сравнению с остальным оружным людом Кремля не условия, а рай земной. Есть чему завидовать. Вот и попытались опричники отбить корпус, пока основная часть дружины кто где – в госпитале после штурма отлеживается, на боевых заданиях или же помогает простому люду разгрести завалы, что после штурма образовались. Оно ж ведь как: кто занял лучшее место, тот и хозяин. Попытали, словом, опричники счастья, пока Кавалерийский корпус пустовал. Ну и обломались. Остался трехэтажный домина за прежними хозяевами...

С отрочества дружинник привыкал все делать сам. И еду приготовить так, чтоб жесткое мясо тура казалось нежнее хоммачьего, и кольчугу рваную починить, и фенакодусу когти на лапах заточить, благо далеко ходить не надо – прямо к корпусу примыкала длинная пристройка, конюшня для лошадей-мутантов. И это правильно. Воин должен всё уметь, что в походе пригодиться может. Потому обычно одна часть дружины на задании, вторая – при князе, а третья – в наряде по кухне, столовой или корпусу. Полы драит, тяжелую рукоять стиральной машины крутит или же картофелины чистит от бледной кожеры, похожей на мягкое стекло.

Но, конечно, одно дело – солдатский паек жевать, пусть даже хитро приготовленный, и совсем другое – в трактире посидеть. Там и еда повкуснее, и музыка, и девки заходят песни послушать да потанцевать. В Кремле все равны, и бабам в трактир ходить не зазорно. Единственное это место, где можно отдохнуть да повеселиться. Все остальное в крепости словно меч, под выживание да оборону заточено. Правда, особо туда не находишься. Цены больно кусачие. Расплачиваются берестяными колечками, что выдаются каждому из кремлевских ежедневно за работу сообразно пользе, которую человек принес крепости. Нехитрая штука то колечко, смолой склеенное, самому можно сделать. Да только никогда такого не было, чтоб кто подделал местную деньгу. Даже в мыслях ни у кого не возникло. А если вдруг и подумал такое кто-нибудь, отдавая десять колечек за кружку пива, то сразу ту мысль из башки выгнал, словно мелкого сухопутного осьминога-паразита из горницы поганой метлой. Это ж как у себя украсть. В зеркало потом смотреться неудобно будет, со стыда глаза бесстыжие в сторону отводя.

У дружинников в колечках недостатка не было. В другом дискомфорт ощущался. Мол, как это я, орысина стоеросовая, буду в трактире пиво хлестать, а остальной люд, у кого с деньгой напряженно, станет, мимо проходя, завистливые взгляды в окна бросать. Потому дружинники, как и остальные кремлевские, отдыхали нечасто. Только когда с рейда возвращались. Или вот с такой экспедиции к черту на кулички, которая, кстати сказать, случилась впервые со времен Последней Войны. Грех такое не отметить. Да и товарищей, павших при обороне гуляй-города, помянуть надобно. И тех, кто, штурм Кремля отражая, возле подножия красных стен уснул навечно. Таких семеро было. С двумя дружинниками – девятеро...

В общем, почистились воины, в баньке попарились, надели все чистое, собрались в нижнем зале, что возле столовой был, – и призадумались. С одной стороны – традиция после рейда в трактире посидеть. С другой стороны...

– А по мне, так наплевать, – высказался первым Тимоха. – Ну да, трактир рядом с Потешным дворцом стоит. И что, все потешники тут же на нас кинутся из-за того, что Данила ихнего жука-медведя помял?

– А ежели все ж кинутся? – усмехнулся Степан. – Прикинь, что люди скажут. Дружинники с потешниками схлестнулись, да еще аккурат после битвы. Попутали своих с нео.

– А ты не думаешь, ёшкина кошка, что люди скажут, мол, дружинные своих товарищей погибших не помянули потому, что забоялись в трактире звездюлей огрести? – явно заводясь, выдал Тимоха.

– Ты думай, что метешь! – взревел Никита. Розовый шрам на его щеке побагровел, налился дурной кровью. Еще немного – и вобьет в рот молодому его слова вместе с зубами.

– Стоп, братья.

Все собравшиеся как-то разом примолкли. Не то чтоб Данилу кто десятником ставил над ними. Просто в любой команде есть тот, к кому прислушиваются больше, чем к другим. Вот как-то так получилось с недавних пор, что Данила в дружине после сотника вроде как вторым стал. Раньше Степана так слушали. Он и десятник, кстати, и годов ему за тридцать, и слова нужные всегда умел найти, когда у других тех слов не доставало. А тут как-то оказалось, что у Данилы слов хоть и меньше, но они весомее, что ли. Как пули свинцовые.

– Стоп, – повторил Данила. – Степан прав. Второй драки меж своими в Кремле быть не должно. Но и Тимоха верно сказал. Не помянуть погибших мы не можем. Потому давайте так порешим. В трактир идем без оружия. Даже засапожники здесь оставим. По мне – так вообще надо правила менять, ибо дружиннику при справе воинской бражничать не пристало прилюдно. Посидим с часок – и обратно в корпус. Вечереет уже, выспаться надо. Кто знает, что завтра нас ждет.

– Как-то мрачно ты это сказал, – буркнул Никита. – Чуешь что?

Вместо ответа Данила отстегнул меч и положил его на широченный стол Совета, сбитый из толстых досок. Туда же легли засапожник и пара метательных гвоздей, с которыми любой дружинник расставался только в бане, да и то клал неподалеку.

– А, была не была, ёшкина кошка!

Меч Тимохи лег рядом с Данилиным. Остальные дружинники тоже недолго чесали затылки. Завалиться спать на двухъярусные лежанки всегда успеется...

Путь от Кавалерийского дружинного корпуса до Потешного дворца был недолгим – всего-то за угол завернуть да улицу перейти. Сразу за нарядным дворцом, сохранившим большинство вычурных наличников и декоративных колонн, находился трактир. Здание неказистое, но просторное, места обычно всем хватало.

Мимо дворца дружинники прошли не спеша, но и без особого выпендрежа. Просто прошли, и все, ловя краем глаза настороженные взгляды из окон. Но, кроме тех взглядов, ничего более по пути не случилось. Так, в общем, и думалось, что не станут потешники толпой на дружинных кидаться за то, что Данила показал одному из них кузькину мать. В общем-то, показал за дело, ясно же. Хотя бес этих потешных знает. С них станется похватать кузнечные молоты да цепи для обмолота зерна и всей толпой за своего впрячься, что из простого люда в опричники сумел выбиться. Ну да ладно, не случилось – и хорошо.

В трактире народу было немного. Трактирщик Барма за деревянной стойкой, крепкой и солидной, как он сам, неспешно протирает полотенцем большую деревянную кружку. Неяркий свет четырех потолочных фонарей тускло освещал зал, в котором зачастую отдыхали дружинники в полной боевой сбросе, только что вернувшиеся из рейда. Оттого и скамьи, и столы в трактире были широкими и надежными, а расстояние меж столами приличным, чтоб воинам в тяжелых доспехах не цеплять друг друга локтями.

Четверо посетителей оглянулись на вошедших, осознали, мол, да, толпа дружинных вошла. И, осознав, тут же отвернулись. Потому как сейчас намечалось в трактире нечто более интересное, чем отряд кремлевской элиты, где-то растерявший свои мечи.

Прямо напротив стойки по заказу Бармы плотники сработали возвышение наподобие сцены, на котором сейчас плотно обосновалась незнакомая, но пробивная девчонка. Что пробивная – сразу видно. Чтоб трактирщик кому свой старинный резной стул дал попользоваться, такого Данила припомнить не смог. А эта деловая подруга уже успела вытащить тот стул на

сцену, усесться на него пышным задом и сейчас, ни на кого не обращая внимания, настраивала диковинный инструмент, формами напоминающий фигуру своей хозяйки.

– Ишь ты, какое завлекательное у Бармы новое приобретение, – прищелкнул языком кто-то из дружинников, усаживаясь на ближайшую скамью. – Чтой-то я такой не припомню.

– Может, из вестов? – предположил Степан.

– Может, и так, – согласился Данила, определяясь на длинной лавке в угол, поближе к стене, но так, чтоб одновременно видеть и товарищей, и весь зал.

Барма за стойкой отставил кружку, огладил усы и прогудел зычно:

– Дарья, Марья, Глафира, на выход! Дружинные пировать пришли!

И добавил для осознания масштабов происшествия:

– Два десятка душ.

Помимо трактира было у Бармы три дочери. Широкие и крепкие, как мебель в заведении трактирщика. Не красавицы, но и не уродины. Девки и девки. Работящие, шустрые, надежные...

– Хорошие девчата, – заметил Никита, как только дочери Бармы выплыли из недр кухни. – Чисто лебедушки, которые в старых книжках нарисованы. Странно только, что незамужние.

– Не ладится у них с замужеством, – покачал головой Степан. – Не везет. У одной мужу в рейде нео голову дубиной проломил. Вторая с парнем встречалась серьезно, да только недавно, прям перед свадьбой, ее жениха Черный Свет в каком-то из кремлевских подвалов до смерти спалил. А третья после такого сама ни с кем встречаться не хочет. Говорит, и так парней в Кремле мало, не хочу, чтоб из-за меня кто-то погиб. Считает, мол, проклятие семейное.

– А что за Черный Свет? – поинтересовался Тимоха. – Никогда об таком не слышал.

– Тссс, – прошипел Степан, показав глазами на идущих к ним девушек. – Потом расскажу.

– Чего желаете, воины? – спросила старшая, Дарья. Глаза серые, спокойные, губы полные, яркие. Но и лицо немного полновато. Не портит, но все же на любителя. Как и бюст тяжеленный, размера пятого. Что такое «пятый размер», уже никто не помнил, но эдакую роскошь только так и называли.

– Как всегда, Дарьюшка, – улыбнулся Данила. – Щи ваши знаменитые, отбивные из хоммутов, картошки домашней с грибами и луком, зелень какая есть. Но сначала самогону, каждому по малой кружке.

И вскользь кинул взгляд вдоль стола.

Нет, никто не скорчил недовольную мину, даже трое недавних отроков, лишь месяц назад получивших пояс дружинника. Значит, понимают, что не на праздник пришли, а лишь ради старой традиции. И что никто не знает, каким будет утро...

– Нет хоммутов, – покачала головой Дарья. – Уж неделю как не видели их ни в Тайницком саду, ни в округе. Похоже, ушли хоммуты глубоко в землю. Так что есть только свежее турье мясо. Как раз перед штурмом бычка забили.

– Пусть будет турье, – кивнул Данила. – И спасибо за почетный прием.

И вправду, втроем девушки подходили к столам редко. И коль такое случилось, значило это, что в трактире Бармы гостей уважают сверх любой меры.

В ответ девушки поклонились в пояс. Тут дружинники совсем обалдели.

– Да... да вы что, девчата? Зачем уж так-то? – пронеслось над столом.

– За подвиг ваш ратный спасибо вам, воины русские, – сказала Дарья, разогнувшись. – И спасибо за то, что живы остались. Батька передать велел, что сегодня колечек с вас не возьмет, уж не обессудьте.

И ушли, покачивая широкими бедрами, движения которых не могли скрыть просторные платья.

– Ну дела, ёшкина кошка! – выдохнул Тимоха, сам красный, словно вареная стальная сколопендра. – Я чуть язык не проглотил, когда они враз поклонились.

– И глаза заодно чуть не сломал, – философски заметил Никита, задумчиво почесывая шрам на щеке. – Подумалось мне, что они у тебя сейчас в стороны разъедутся, чтоб разом все три выреза в платьях рассмотреть.

Тимоха покраснел еще больше, хотя казалось, что больше некуда.

Данила усмехнулся про себя. Интересно получается. Парень рубится лихо, скорость движений у него почти как у дядьки Еремея. Боец прирожденный, не одного мута в свои семнадцать уже успел отправить в Край вечной войны. А с симпатичной девкой взглядами пересеется – и краснеет, глаза отводит. Бывает же...

Заказ принесли быстро. На больших старинных блюдах, сработанных из серебра, дымилось мясо, покрытое аппетитной корочкой, в обрамлении искусно разложенного гарнира. Пока что в крепости не голодали. Подземные оранжереи и инкубаторы исправно поставляли на стол кремлевских жителей все необходимое. Другое дело, что давно уже был выработан ресурс аппаратуры, обеспечивающей свет, подачу воды и отвод отходов в Москву-реку. Всё чинено-перечинено, и недалек тот день, когда кузнецы уже не смогут выковать новых деталей для машин по причине отсутствия как необходимых материалов, так и понемногу утрачиваемых навыков.

Из поколения в поколение передавали мастера своё искусство, и лишь чудом пока не прервалась та ниточка, связывающая далекое прошлое и мрачное настоящее. Потому что и мастеровым в последнее время приходилось подниматься на кремлевские стены с оружием в руках. И гибли они так же, как и остальные жители Кремля. Прибавить к тому болезни из-за духоты и токсичных испарений в подземном городе, аварии в производственных помещениях, гибель в рейдах, когда дружинные брали с собой специалистов для разборки найденных биороботов на детали. Погибали мастера – а вместе с ними умирало старинное искусство ремонта древних механизмов...

Данила взял в руку небольшую деревянную кружку, поднялся с лавки. Следом за ним встали со своих мест дружинники. В трактире как-то разом повисла мертвая тишина.

– За тех, кто не с нами, – коротко сказал Данила.

– За тех, кто лег навечно под кремлевскими стенами, – эхом отозвался Степан.

– За наших товарищей, – в один голос негромко произнесли остальные.

Тяжелый ритуал дружины... Слишком часто в последнее время приходилось произносить им эти слова. Слишком часто...

Выпили не чокаясь. Сели. Помолчали минуту. Всё. Исполнено как положено. Теперь время тризны. Хорошо, что девчонка на сцене с инструментом, может, сыграет что сообразно моменту.

Данила подозвал пацаненка-приемыша, сироту, которого приютил Барма. Дал берестяное колечко.

– Это тебе, – сказал он. И протянул еще одно. – А это отнеси той, что на стуле сидит. Пусть споет что-нибудь... – Он неопределенно покрутил пальцами в воздухе и, найдя слово, добавил: – Душевное.

Пацан кивнул, сбегал к сцене. Протянул девушке денюгу, сказал что-то. Та хмыкнула, покачала головой так, что мотнулась из стороны в сторону грива тяжелых волос, сказала тихо, но Данила услышал:

– Оставь себе. Так спою. За поминальные песни денег не берут.

Провела рукой по струнам и запела. Голос певицы был приятным, но в то же время в нем чувствовалась спокойная уверенность бывалого воина, не понаслышке знающего, что такое боль и смерть:

Ой, ты, коршун, надо мной не кружи,
Песню смерти мне напрасно не пой —
Ветер буйный, милый друг, укажи
Добру молодцу дорогу домой.

Ох, не ждали мы беды до поры,
Но неожиданная приходит беда...
Налетела из-за черной горы
Ненасытных тварей злая орда.

Данила знал эту песню. Говорят, ее сложили еще до Последней войны. А еще говорят, что последняя строчка второго куплета менялась неоднократно. Враги-то были разные. А песня — одна на всех. И горе тоже одно на всех. Полной мерой, во все времена...

А мой милый ускакал далеко
На горячем беспокойном коне,
И не знает он, что льется рекой
Кровь горячая в родной стороне.

Где лежит твой путь, мой друг дорогой,
Где твоя непобедимая рать?..
Лишь успел бы буйный ветер степной
Эту песню для тебя передать...¹

Диковинный инструмент давно замолчал вместе со своей хозяйкой, окончившей песню. А дружинникам все еще слышался свист стрел, лязг мечей об усиленные железом дубины нео и голос девушки, шепчущей ветру о своей беде.

— Не вернется ее парень, — громко вздохнул Тимоха. — Далеко поди забрался. Убили небось его нео, вместе с ратью вырезали.

Данила перехватил взгляд певицы — словно две молнии цвета неба прилетели со сцены. Тимоха, понятное дело, имел в виду героиню песни. Но, видать, слова дружинника задели в девушке что-то глубоко личное.

Тимохе-то все по барабану, не видит ничего. Упер подбородок в кулак, в одну точку уставился, кручинится под впечатлением песни. Да только, похоже, песен сегодня больше не будет. Девушка порывисто встала со стула, подхватила свой инструмент, собираясь уйти...

Данилу опередил Степан. Старый воин — мудрый воин, причем не только в войне, но и в делах житейских. И со слабым полом у него опыту сильно больше. Данила-то в этих вопросах, положи руку на сердце, недалеко от Тимохи ушел. И старше он всего-то на два года.

— Не уходи, красавица!

Голос дружинника был громким, чистым. Не зря он в десятниках ходил. Таким, наверно, мог быть голос Царь-пушки, вздумай она заговорить. Не захочешь — остановишься.

Девушка невольно обернулась.

— Поминальная песня была чудо как хороша, — продолжал Степан, для солидности поднявшись с лавки и степенно оправляя рукой усы. — Души погибших будут довольны. Уважь теперь живых, спой былинку какую-нибудь, коли не спешишь сильно.

Девушка явно колебалась.

¹ Тексты всех песен, приведенных в романе, также созданы Дмитрием Силловым.

– Не откажи, сделай милость, – добавил Степан голосом, в котором мед искусно смешался со сталью, да так, что стали и незаметно – словно меч в бочке сладости утопили. Хоть и не видать его, а он есть. Как такому противиться?

Кивнула красавица и вновь уселась на стул. Провела рукой по струнам, словно погладила. Инструмент промурлыкал что-то невнятное, словно домашняя кысь. Данила наморщил лоб. Как же называлась в старину такая округлая балалайка? Гитарна, что ли? На картинке древней видал такое – сидят мужики у костра, автоматы на коленях держат, а у одного такая вот гитарна в руках. А вокруг деревья мертвые, развалины, скелет мута какого-то неподалеку валяется. Видать, уже после Последней войны ту картинку рисовали...

Девушка тем временем перестала гладить инструмент и внезапно ударила по струнам, прервав Даниловы мысли...

В годы славные, стародавние,
В стольном городе, во Москве,
Жил лихой купец, добрый молодец,
Без тяжелых дум в голове.

Жил он без забот, жил он без хлопот,
Знать не знал про грусть да печаль,
Но вот безделица – красну девицу
Раз он в пятницу повстречал.

Сердце дернулось и упало вниз,
Кровь к лицу горячей волной,
А она прошла, взглядом обдала,
Как речной студеной водой...

Внезапно Даниле почудилось, что он уже слышал однажды этот голос. Причем не здесь, не в Кремле, где родился и вырос, а где-то очень, очень далеко... Там тоже была пожухлая трава под ногами, деревья, свернутые мутациями в причудливые и жуткие спирали, чудовища, притаившиеся в темноте, жаждущие теплой человеческой крови. Но там на нем не было доспехов, лишь кожаная куртка со вшитыми в нее ненадежными защитными пластинами. И потертый автомат вместо меча. И странного вида коробочка в руке, из которой лилась песня, заполняя собой весь мир – от отравленной земли до тяжелого, свинцового неба: «Каждая птица ищет чистое небо... Каждое небо ждет свои крылья...»

Все это промелькнуло перед глазами Данилы – и пропало, словно мимолетный сон. Причем чужой, заплутавший в мироздании и случайно приснившийся не тому, кому предназначался. Привычная реальность вновь плеснула в глаза Данилы, словно ковш холодной воды спросонья. И здесь, в этой реальности, девушка с очень похожим (а может, все-таки с тем же самым?) голосом пела совсем другое:

И запил купец, добрый молодец,
Но вино не впрок, как вода,
Не забыть на раз взгляд зеленых глаз,
Вот такая, братцы, беда.

Но столетний дед парню дал совет:
– Что кручинишься? Не пойму.
Ведь ей любовь твоя беззаветная,

Безоглядная ни к чему.

Испокон веков от таких оков
Знает средство русский народ —
Коль любовь-змея сердце выела,
Делай заговор-приворот.

Ну а чары те в этой грамоте,
Переписанной от руки.
Пусть помечется красна девица,
Пусть помается от тоски.

Так промолвил дед и исчез, и нет
И следа его на траве.
Только грамота, только встреча та
Да слова его в голове.

Данила зажмурился, потрянул головой. Надо же, привидится эдакое, причем среди бела дня! Вроде и не пил почти... Надо просто выспаться, отдохнуть, тогда и не будет мерещиться всякое-разное. Вот только доест по-быстрому что осталось на блюде, песню дослушать и сразу не мешкая надобно дать команду своим выдвигаться обратно в корпус. Посидели, традицию соблюли, перекусили – пора и честь знать.

А девчонка, похоже, сама завелась от разудалой песни. Струны звенели, стонали и плакали над несчастной любовью какого-то купца, которого крепко заарканила неведомая красотка...

Хоть и не хотел размышлять над тем,
Что старик ему говорил,
Но стародавнее заклинание
Ночью парень тот сотворил.

Руку белую сталью острою
Резал до крови над свечой,
А после что-то там полусшепотом
Пел и сплевывал за плечо...

Но дослушать песню не получилось.

От сильного удара ногой мощно ударилась об косяк входная дверь. Инструмент прозвенел надрывно, словно в него стрела вонзилась, – и замолчал вместе с хозяйкой. Застыл Барма у стойки. Споткнулась и чуть не упала Глафира, спешащая на кухню с пустым подносом. Разом обернулись дружинники. Обернулись – и тут же их руки сами собой метнулись к поясам... И опустились. Кто знает, что было б сейчас в трактире, кабы оружие не осталось лежать на столах в Кавалерийском корпусе. Потому как никто в Кремле не смел направить оружие на дружинника. Даже и в мыслях не было ни у кого. Да и зачем держать на прицеле наипервейшего защитника крепости?

А в трактир продолжали вбегать автоматчики, сноровисто рассредоточиваясь вдоль стен и с ходу лова в прорези прицельных планок недоуменные лица дружинников. Были те автоматчики облачены в черные одежды, наподобие монашеских. Глубокие капюшоны, наброшенные на головы, скрывали их лица. Данила отметил, что хоть двигались они легко, как профессио-

нальные воины, а вот оружие держали в руках неумело. Начнись серьезный бой, такие вояки перестреляют и своих, и чужих. И были бы у дружинников в рукавах метательные ножи, то под каждым капюшоном уже торчало б по паре заточенных стальных стержней. Только каким боком все потом обернулось бы, вот вопрос... К тому же вошедшие не стреляли. А почему? Хотели б убить, давно бы убили, безоружных-то...

Вопрос разрешился сам собой.

Через порог неторопливо переступил невзрачный, ничем не примечательный человек. Такая же черная ряса, как и на автоматчиках, лишь капюшон откинут и свободно лежит на плечах. В общем, и правильно. Что одет тот капюшон на голову, что снят, разница небольшая. Все равно такое лицо не запомнишь, даже если очень захочешь. Бесцветные глаза на бесцветном лице, вот и все описание. У трупа и то больше запоминающихся черт.

– Слово и дело! – скучно, но довольно громко произнес вошедший. А может, потому громко получилось, что очень тихо было в трактире. Когда случается странное, непривычное, непонятное, люди обычно застывают на несколько мгновений, осознавая, что ж все-таки произошло. Оттого и случается тишина, которую, наверно, неслучайно называют могильной...

– Может, объяснишься? – нарушил тишину Барма.

Это правильно. Он хозяин, ему и первое слово.

– Именем князя нашего я, подьячий Тайного приказа, уполномочен арестовать преступника и изменника, дружинного разведчика Данилу.

– Не крутовато ли берешь, Савелий? – спокойно поинтересовался Степан, похоже знавший подьячего лично. – С каких это пор боярин Данила, Кремль спасший, стал преступником? Да хоть бы и так. Дружина своих не выдает. Мы все прямо сейчас к князю пойдем и выясним, кто на самом деле в Кремле измену учиняет!

Слово «боярин» Степан выделил голосом. Но на подьячего ни титул Данилы, ни последующая речь Степана ни произвели ни малейшего впечатления.

– В случае сопротивления я имею распоряжение от самого тайного дьяка применить оружие против смутьяна и всех, кто будет препятствовать его аресту, – проговорил Савелий. – Данила идет с нами, а вы все идите после куда желаете. На вас я пока ордера на арест не получал.

После чего подьячий вытащил из-за пазухи листочек бересты, развернул. Что на листочке написано, отсюда не разобрать, но комочек застывшей смолы с орлиной печатью даже в трактирном полумраке Данила успел рассмотреть – зрение у него всегда было отменное.

– Знаешь чего, Савелий, – сказал Тимоха, вольготно разваливаясь на лавке и ставя на нее начищенный сапог, благо места хватало. – Я вот думаю, а не пойти ли тебе, ёшкина кошка, живым лесом да вместе со своей пристяжью? Два десятка дружинных вы все равно не расстреляете, вас наши же кремлевские в лоскуты порвут. А вот мы вам, ежели станет надобность, навалаем по сусалам легко и непринужденно. И автоматы не помогут, которые, кстати, Данила в Кремль и привез...

– погоди, Тимоха, – сказал Данила, поднимаясь с лавки. И добавил, глядя на подьячего: – Ну коли так, пошли, что ли?

– Это что за дела, боярин? – в голос загудели дружинники. Многие вскочили с мест, не обращая внимания на автоматы. – Чтоб мы своего товарища отдали каким-то лихоимцам, о которых еще вчера никто и не слышал? Да ни в жисть не бывать этому!

– Остыньте, братцы, – слегка повысил голос Данила. – Дальше красных стен все равно не уведут. А до князя, думаю, все равно дойдет то, что здесь произошло. Ему и решать.

– Что дойдет, то не сумлевайся! Прямо сейчас и пойдем к нему! Дружинный люд да по навету под автоматами водить, словно татей ночных, – не бывать такому!

Голоса дружинников набирали силу. Автоматчики слегка попятнулись, вжимаясь спинами в стены. Здоровенные богатыри в ярости – зрелище не для слабонервных. Вполне возможно,

что сейчас автоматы казались людям в балахонах детскими игрушками, едва ли способными остановить ярость профессиональных воинов, с детства приученных как к оружному, так и к рукопашному бою. Еще немного – и у кого-нибудь могут не выдержать нервы. Или опричник на спуск нажмет, или кто из дружинных выкрикнет «гойда!» и метнет вилку или тяжелую кружку в голову ближайшего автоматчика.

Данила не стал ждать такой развязки, одним махом перепрыгнул через лавку и быстрым шагом направился к подъячему. Тот едва заметно кивнул головой, развернулся и, возможно, излишне поспешно для столь высокого чина выскочил за дверь. Следом за ним, наклонив голову, чтоб не задеть макушкой верхний косяк, вышел наружу Данила. Сзади него послышался поспешный топот – то опричники, не опуская автоматов, покидали трактир, пятясь задом наперед, словно большие мутировавшие раки.

Так они и прошли по улице меж Арсеналом и Кремлевским дворцом, ошетинаясь стволами во все стороны.

Данила усмехнулся про себя. Новые времена, новые порядки. И люди новые, появившиеся словно из ниоткуда и напавшие на себя рясы, скрывавшие фигуры, лица и намерения. Хотя нет, намерения-то очевидны. Ведут его сейчас к зданию Сената, а кто не знает о тамошних подвалах? О которых, кстати, никто точно ничего и не ведает, только слухи одни. И что там творится сейчас – неизвестно.

«Вот, похоже, и узнаем лично в скором времени, – горько подумал Данила. – Н-да, не для того я вез сюда автоматы. Думал, кремлевские от нео обороняться будут. А оказалось, что от своих же дружинников...»

Пройти оставалось немного. Лишь рощу живых деревьев миновать, за которыми вышались купола Храма Двенадцати Апостолов. Два места было опасных внутри Кремля – Тайницкий сад и вот эта роща, которую не вырубили, чтоб за топливом зимой до Тайницкого сада далеко не топать, если у кого вдруг дрова закончились. Удобно – неприкосновенный запас прямо посреди Кремля. Только запас получился поагрессивнее, чем деревья в Тайницком саду. Может, потому, что маленький всегда бойчее большого да сильного за жизнь цепляется. Короче, рубить ветки в роще ходили самые ловкие и сильные мужики, причем обязательно вдвоем. Зазеваешься, захватит гибкая ветвь руку, притянет к себе дерево, нащупает шею присосками-паразитами и медленно, минут за десять, высосет всю кровушку. Потому так и работали – один рубит ветки, а второй стоит наготове с топором, следит, чтоб дровосека дерево не поймало.

В общем, почти прошли конвоиры с Данилой мимо рощи, по привычке опасливо косясь на кривые стволы и медленно шевелящиеся толстые корни, словно змеи наполовину высунувшиеся из земли и высматривающие добычу. Вдруг один из опричников подал голос:

– Гляньте-ка! Вот чудо-то невиданное!!!

Меж стволами деревьев неторопливой походкой шел старец. Высокий, борода до пояса. В сухой, но еще сильной руке зажат посох, богато украшенный золотом и камнями. Была на старце простая одежда примерно того же кроя, что и на опричниках, только снежно-белая, без единого пятнышка. Данила ясно видел, как хищные ветви деревьев тянулись к человеку, но буквально в вершке от головы старика резко останавливали движение, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Тому же, казалось, и дела не было до плотоядной растительности. Он просто шел там, где ему было удобно, по кратчайшей дороге меж Храмом и тем местом, куда он наметил добраться.

Заметив старика, подъячий невольно ускорил шаг. За ним, оторвавшись от созерцания белой фигуры, заспешили и опричники, подталкивая Данилу стволами в спину.

Но не тут-то было.

– А ну погоди, Савелий.

Голос старика был негромким. Тихо он сказал, а все услышали. И остановились – кроме подьячего.

– Да ты, никак, бежать от меня вздумал? Грехи подгоняют? Или совесть нечистая?

Подьячий, успевший оторваться от своих опричников шагов на десять, наконец, остановился. Повернулся на голос.

– Извини, отец Филарет, не заметил тебя. Задумался малость.

– Поди, все о службе думы твои? – участливо поинтересовался старец.

– О ней, отче.

Слегка потерявшийся голос подьячего вновь обрел твердость. И глаза он поднял на старца по-прежнему бесцветные, безразличные. Хотя за мгновение до этого показалось Даниле, что мелькнуло в них что-то похожее то ли на смятение, то ли на страх малолетнего пацана, пойманного в клетки за банкой варенья. Правда, могло и показаться. Не из тех подьячий, кого можно напугать, не гляди, что ростом да статью не вышел. Ему и то и другое его опричники с лихвой заменяют.

– И что ж это за служба такая, героев и защитников Кремля под автоматами водить? – поинтересовался Филарет.

– Был герой, да весь вышел, – криво усмехнулся подьячий. – Да и был ли – то еще вопрос. Дважды в плену у нею побывал и при этом живой остался. Странно? Весьма. Воеводу убил. Хоть и на Божьем суде, а всё ж без должного следствия, что подозрительно тоже. Танк пригнал с оружием. Хорошо. А может, это все для того, чтобы вновь втереться в доверие? Крепость Бутырскую на северо-западе захватил, но при этом с нею сдружился. То есть с врагами лютыми. И другие нелюди, шам с кио, у него в друзьях закадычных. Сегодня вновь оружие привез с рынка, но при этом люди видели, как он с книжником Бориславом об чем-то шептался. Книжник же – в розыске по подозрению в измене. Намедни тот Борислав при побеге из застенка двоих опричников тяжело ранил, что само собой его измену доказывает. А кто с ворогом водится, тот сам враг и есть. И наконец сегодня этот Данила избил чуть не до смертоубийства опричного десятника Федора Орясу. Мало, чтоб дознание провести по всем правилам?

– Мало, – степенно кивнул Филарет. – И знаешь почему?

– Почему? – прищурился подьячий.

– Потому, что у тебя лишь слова да домыслы, которыми любого человека можно как на постамент водрузить наподобие Царь-колокола, так и в землю вогнать по самую макушку. А у Данилы – дела. И результаты его дел сейчас в руках у твоих людей. И на стенах Кремля заряженные стоят они же. И танк у ворот на крайний случай заслуга того самого Данилы. А теперь вопрос: где ты сам был, подьячий, когда сегодня нею на стены лезли? Что-то не видал я тебя там.

– На княжьем служе был, – прошипел Савелий – и куда напускное спокойствие делось. – А ты, отче, никак стены оборонял?

– Оборонял, – прогудело из-под капюшона одного из опричников. – Отец Филарет со старинным штуцером на колокольне Спасской башни сидел и нею отстреливал. Я сам видел...

– Молчать, – прошипел подьячий. – Плетью запорю...

– Меня? Запорешь? – раздалось из-под капюшона. – Да пошел ты!

Опричник швырнул автомат на землю, повернулся и пошел в сторону Большого дворца, то есть совсем в другую сторону от мрачного и величественного здания Сената. Остальные конвоиры нерешительно переминались на месте. Некоторые уже опустили автоматы стволами в землю...

Рука подьячего нырнула за пазуху. И вынырнула обратно, но уже с зажатым в ней пистолетом Ярыгина.

– Стоять!

Ствол пистолета был направлен в спину уходящему, палец Савелия плясал на спуске. Что ж, нервный срыв бывает у каждого, выходит, даже и у таких, как подьячий, случается. И главное при этом, чтоб никто не пострадал, придавленный чужими амбициями, рухнувшими в одночасье.

Данила качнулся было вперед, но его опередил отец Филарет, неожиданно быстро и сновисто рубанувший своим посохом по вооруженной руке.

Пистолет упал на землю рядом с автоматом. Подьячий охнул, хватаясь за ушибленное, а может и сломанное, запястье.

– Ответишь, отче, – прошипел он, с ненавистью глядя на старика.

– Отвечу, – кивнул Филарет. – Перед Богом. За все. В свое время. А пока пошли, Данила, есть у меня для тебя одно дело, которое действительно Кремлю надобно.

Они шли молча. И куда вел его Филарет, было пока непонятно. Патриаршие палаты, где была келья отца Филарета, они миновали и сейчас явно направлялись к Грановитой палате. Интересно, что там забыл старик и какое в этом здании может быть надобное Кремлю дело?

При обстреле требучетами нео в палату попало два или три снаряда. Особого вреда не причинили, так, только крышу попортили, проломил изрядно. В принципе, починить за несколько дней можно, что, кстати, уже и делается. На крыше сустились мужики, спеша засветлю подлатать хоть что-нибудь. Это и понятно, время дорого, и если можно его потратить с умом, то лучше не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Данила не ошибся. Филарет неспешным шагом направился к Красному крыльцу, широкой лестнице, по которой, говорят, раньше князья да другие серьезные люди на коронацию ходили. Что такое «коронация», теперь, наверно, только книжники в Семинарии знают. Небось красивое что-то, серьезное и присутствия большого количества народу требующее, если для той коронации такую широченную лестницу построили.

Прямо посреди лестницы расплескалась кровавая лужа. Ее мужик в армяке собирал широкой деревянной лопатой, которой зимой снег чистят. Похоже, кого-то снарядом требучетным накрыло. Прямое попадание навесом. Большие шматки мяса уже прибрали, а мелкие обрывки плоти и осколки костей мужик ловко цеплял своей деревяшкой и скидывал в ведро.

Филарет обошел лужу – благо ширина лестницы позволяла, – вздохнул, прошептал что-то про себя. Данила расслышал только: «упокой душу...». Понятно. Попросил того, кого никто не видел, чтоб упокоил то, что тоже не видать, но вроде как есть в каждом. Сложно такое представить, дружинник даже и не пытался. С верой своей, кстати, Данила так и не определился. Храмы вроде вот они, но в себя и в свой меч верилось больше, чем в невидимого покровителя. И пословица «высшие силы помогают тем, кто сам себе может помочь» была как-то ближе длинных молитв Хранителей Веры, почитающих силу креста, на котором убили их бога. Может, как-нибудь сходить на собрание Говорящих с мечами? Но и тут сомнения. Уж больно Говорящие заносчивы и агрессивны где не надо. Вполне возможно, что опричники, конвоировавшие Данилу, как раз были из них. Повадки похожие. Ну да ладно, со временем определимся. Или не определимся. Это уж как получится...

Пока Данила гонял в голове сложные мысли, стараясь не наступить в кровь или на обрывок чужой плоти, отец Филарет уже дошел до тяжелой, высокой двери и распахнул ее неожиданно легко для его возраста. Откуда в глубоком старце столько сил – загадка, разгадать которую Данила даже не пытался. Как и то, почему Филарета не трогают хищные ветви плотоядных деревьев, а сухопутные осьминоги не боятся брать хлеб из его рук...

На полу Грановитой палаты валялся мусор – обломанные доски, осколки камня и кирпичи, сломанная мебель. Оно и понятно. Снаряд требучетный не хухры-мухры. Похоже, нео целым куском стены запулили, вывороченным из руин старого здания. Может, и не одним...

– Нам туда, – кивнул отец Филарет на чудом не рухнувшую вниз лестницу, ведущую на верхний этаж, построенный совсем недавно. После того как люди вышли наверх из подземных убежищ, главным вопросом стала не красота отделки здания, а жилье. Потому громадный сводчатый зал Грановитой палаты сделали двухэтажным, а на каждом из этажей понаставили двухъярусных кроватей. Тесновато, конечно, но двести человек худо-бедно в здании разместились.

Во время штурма тяжеленный метательный снаряд угодил в край лестничного пролета, почти полностью разрушив несколько ступенек. Потому поднимались осторожно, вдоль стены, каждое мгновение рискуя полететь вниз вместе с жалкими остатками лестницы прямо на клубки смятой арматуры, торчащие под ними словно задравшие головы кверху стальные змеи. Но обошлось.

На втором этаже следов разрушений было несколько меньше. Снаряд лишь обвалил солидный кусок западной стены, пробил пол и, расколовшись от удара, кирпичной картечью ударил по первому этажу.

В полумраке, едва разгоняемом парой масляных светильников, висящих на стенах, Данила разглядел несколько дверей. Все закрыты, лишь одна сорвана с петель и на полу валяется. Но то беда небольшая. Дверной проем с разодранным в щепы косяком загораживала известная всему Кремлю массивная фигура схимника по имени Мал. Бывает имя говорящее, как, скажем, Недаш или Любомысл. Первый жадина редкостная, второй сильно до баб охочий. Назовут парня – оно и сбывается. Тут тоже назвали, да получилось наоборот. Два метра с лишним росту, и плечи шириной немногим меньше.

На черную рясу для Мала шло материи как на две обычных. Ручищами своими схимник свободно гнул подковы и сворачивал стальные лопаты трубочкой. Из оружия не признавал ничего, кроме булавы без шипов, которую не всякий дружинник поднять мог. Один взмах такой железякой – и лезущий на стену нею на довольно продолжительное время превращался в парящего рукокрыла. А без шипов сие оружие было потому, что, по версии Мала, такое орудие гуманно, ибо кровь не проливает. Н-да...

Сейчас этот гуманист стоял скрестив руки на груди и глядя строго перед собою. Наверно, для того, чтоб любому, желающему пройти в комнату за его спиной, стало ясно: думает человек, ушел в себя, тревожить не надо. В противном случае можно огрести. И даже не булавой. Для одного-двух-трех-четверых нападающих кулака, смахивающего на массивное навершие той булавы, будет вполне достаточно.

Но отцу Филарету было глубоко наплевать на задумчивость человека-скалы. Не снижая темпа шага, он пошел прямо на эту скалу... которая, переведя взгляд на приближающегося человека, вдруг расплылась в неожиданно доброй улыбке.

– Здрав будь, отче, – низко прогудело под сводами помещения, словно в накрытый плащом колокол вдали били.

– И тебе поздорову, Мал, – кивнул Филарет. – Хотя здоровкались уже с утра.

– Лишнего здоровья не бывает, – прогудел схимник и улыбнулся снова, отходя в сторону на шаг. – Данила с вами будет?

– С нами, – кивнул Филарет, переступая порог темной комнаты. – Принеси светильник из коридора, одного там хватит за глаза.

Мал кивнул, и его мощная фигура скрылась за расщепленным косяком. Вот уже несколько лет здоровяк по собственной воле служил Филарету верой и правдой. А тот хоть и не поощрял добровольный обет, но и не прогонял схимника. У каждого свой Путь, и, если человек сделал выбор, нехорошо лишать его Пути...

Данила невольно почесал в затылке. Интересно, зачем все-таки его сюда Филарет привел?

Комнаты не было. Снаряд нею ударил в угол здания и обрушил две стены внутрь помещения. Данила и отец Филарет стояли на небольшом пятачке, свободном от мусора. Остальное

пространство довольно обширной комнаты было завалено битым кирпичом, кусками штукатурки, обломками мебели... А прямо напротив зияла огромная дыра, через которую открывался замечательный вид на колокольню Ивана Великого, почти не пострадавшую от обстрела из требучетов – так, сколы кое-где, но это мелочи, к завтраму мужики все подправят. Интересно все-таки, на купола полюбоваться привел его сюда старец или еще для чего? Но, памятуя, что Филарет ничего просто так не делает, Данила молчал, терпеливо ожидая разъяснений.

Однако старик ничего пояснять не стал. Взял у подоспевшего Мала светильник, жестом отослал слугу-телохранителя прочь и, подойдя к куче мусора, поманил Данилу пальцем – подойди, мол.

Дружинник повиновался. При его приближении Филарет довольно ловко концом посоха отбросил в сторону большой обломок фанеры, прикрывавший помятый стальной ящик, вывернутый из стены ударом снаряда. То ли снаряд не изуродовал старинную схоронку, то ли Мал разок приложил ее своей дубиной, но толстенная дверца ящика висела на одной петле, а внутри виднелись какие-то папки и отдельные листки бумаги.

– Правильный был сейф, с прибором автоматической откачки воздуха при закрытии, – сказал отец Филарет. – Иначе бумага бы не сохранилась за двести лет.

Данила задумчиво почесал подбородок и сделал глубокомысленное лицо. Мол, все понял, жду продолжения.

Старик присел на корточки, положил посох рядом с собой и принялся осторожно извлекать из ящика пожелтевшие от времени листы. Похоже, за две сотни лет ящик все-таки разгерметизировался и в него проник воздух. От неосторожного движения Филарета несколько бумажек прямо на глазах рассыпались в прах.

– Экий я неловкий! – с досадой в голосе произнес Филарет. – Старость проклятая, руки уже не держат ничего.

«Угу, – подумал про себя дружинник. – Давешний опричник надолго запомнит, как эти старые руки его посохом приласкали».

– Я ж только одну страницу прочел и сразу понял, что это такое, – продолжил Филарет, распрямляясь. – Фанеркой прикрыв от лишних глаз, Мала поставил сторожить и пошел тебя искать. Буковицы-то помнишь еще? Грамоту не забыл за делами воинскими?

Данила пожал плечами.

– Да вроде помню, отче. Вы ж учили-то. Такое не забывается. Хорошая наука, в детстве привитая, – она на всю жизнь.

Старик хмыкнул.

– Как был хитрец с малолетства, так и остался. Давай, доставай бумаги да раскладывай на полу, только осторожно. А я посвечу.

Насчет посветить было нелишне – солнце уже почти зашло. Данила управился быстро. Руки настоящего воина приучены к тонкой работе. Чтоб мечом врага поразить, не столько дурная сила нужна, сколько точность, скорость и умение филигранно владеть своим телом. Потому что стрелу пустить на сто шагов не в глаз, что точным уколом клинка сердце врага достать, что листочки высохшие на полу разложить осторожно – для хорошо обученного дружинника задача одинаковая.

Филарет вновь опустился на колени и, чуть не касаясь светильником древних бумажек, принялся вглядываться в текст. Данила на это дело смотрел без интереса. Мало ли в Кремле старинных схоронков было найдено. В основном деньги прятали предки в стенах и в земле на черный день. Встречались порой и старые манускрипты, при первом же прикосновении рассыпавшиеся в пыль. Пару лет назад библиотеку царя Иоанна Грозного нашли. Беготни было в Семинарии, кипешу, разговоров. А толку? Много книг всяких было в той библиотеке, свитков, рукописей. Да только ученые мужи так ничего прочитать и не смогли. Дотронешься до такой книги, а она, словно из пылинок сложенное видение, тут же в прах распадается. В итоге пыль

подмели, языками отчесали положенное, и сейчас в обширном схроне той библиотеки хранят картошку...

– Смотри, – ткнул пальцем отец Филарет в один из листочков. – Это то, что я прочитать успел.

Данила наклонился, пробежал глазами текст. Наверху справа красным написано: «Совершенно секретно». Слева – печатка круглая, красная с колосьями и звездочкой наверху, под ней черным пропечатано и подчеркнуто: «Народный комиссариат государственной безопасности». И число стоит «28 июня 1941 года». А посередине: «ЦК ВКП(б). Товарищу Сталину. Направляем расшифровку агентурного сообщения, полученного НКГБ СССР из Берлина. Разослано т. Сталину, т. Молотову. Народный комиссар государственной безопасности СССР В. Меркулов».

И далее текст: «Крамер – Макс. Доктор Ханс Альтхофф из Третьего управления расовых исследований приступил к разработке психофизического оружия в рамках проекта „Тор“, аналогичного советскому проекту „Сознание“, что подтверждает реальность и действенность использования в военных целях торсионных полей. В связи с ухудшением обстановки на фронте для скорейшего введения в действие установки „Сознание“ предлагаю использовать в качестве колебательного контура Кольцевую дорогу, проектное задание на которую по моим сведениям, в настоящее время уже составлено специалистами института „Союздорпроект“».

Сказать, что Данила ничего не понял, – это ничего не сказать. Ну да, историю изучали в детстве. Сорок первый год двадцатого века дата памятная, в то время война шла. Но что такое психофизическое оружие, торсионные поля, колебательный контур... Все равно что темный живой лес, через который без огнемёта не продаться...

– Дальше читай, – ткнул Филарет в другую бумажку.

Данила перевел взгляд. Печатка такая же, как и на предыдущем листке, и тоже красным «Совершенно секретно». Впрочем, то же самое пропечатано на всех страницах, аккуратно разложенных на полу. Интересно, какими судьбами этот ящик попал в стену и был тщательно заштукатурен? С какой целью кто-то делал этот схорон в Грановитой палате? Теперь этого уже никогда не узнать...

«12 июля 1941 года. Государственный комитет обороны. ЦК ВКП(б). Приказываю в срочном порядке начать строительство Кольцевой дороги вокруг г. Москвы. При строительстве использовать материал Д1 в масштабах, не несущих ущерба для эксплуатационных качеств дороги и при этом отвечающих целям проекта „Сознание“. Председатель ГКО И. Сталин».

Данила пожал плечами. Тогдашний московский князь приказал дорогу построить из какого-то неизвестного материала. И что дальше?

– Не обессудь, отче, – взмолился дружинник. – Не понимаю. На другое учился.

– погоди, – отмахнулся от него Филарет, жадно рассматривая буковки на листках и перескакивая с одного текста на другое. Читать с такой скоростью Данила не умел и, махнув рукой про себя на это дело, стал ждать, чем закончится исследование.

– Так-так, – бормотал про себя старик. – Вот оно как, значит... Ага... Сюда смотри!

Данила обреченно посмотрел на очередной документ. Вернее, не документ, а лист бумаги, который, кажется, в древности назывался «газета». Филарет ткнул в абзац:

– Читай!

– Читаю, – обреченно вздохнул Данила. И начал по складам:

– «По предложению И. В. Сталина 13 января 1947 года Совет министров СССР принял Постановление „О строительстве в Москве многоэтажных зданий“. В Постановлении описаны планы по строительству восьми высотных зданий...», не могу больше, отче! Я ж больше мечом да пулеметом, потому и не семинарист, а дружинник! Объясни, зачем я здесь? Читать ты и без меня зело горазд. Если надо, давай я лучше посвечу, а ты уж сам как-нибудь поработай с до... документами.

Выговорив сложное слово, Данила словно камень с плеч скинул. Отца Филарета он уважал с детства, и сказать ему слово против было трудно неимоверно. Но, как говорится, терпение кончилось... Эх, обидится, наверно, старик...

Но Филарет ничуть не оскорбился. Напротив, усмехнулся довольно, потер руки.

– Не сердчай, парень. Увлёкся я маленько. Такое исследование не каждый день случается. Но если я прав, может, получится Кремль от набегов мутантов избавить. В общем, слушай. Долго я собирал по крупицам правду и, похоже, наконец добрался до истины.

В тридцатых годах двадцатого века великий сербский ученый Николай Теслов передал правительству СССР свои работы по стоячим волнам и торсионным полям². Германские шпионы выкрали у него чертежи некоторых приборов, и ученый решил таким образом уравновесить силы между Россией и Германией, с бешеной скоростью наращивающей военный потенциал. В результате СССР начал работу над проектом «Сознание». Целью проекта был контроль над сознанием вражеских воинов посредством торсионных полей. Правда, довести его до конца не успели. Не верили многие в теории Теслова, как и в возможность войны с Германией. Но когда война все-таки началась, «верю – не верю» закончилось, и любое оружие стало на вес золота. Немцы рвались к Москве, и остановить их нужно было любой ценой. В ход шло все, вплоть до музейных пушек и безумных идей Теслова.

Ты видел приказ. Дорогу из особого материала вокруг Москвы построили всего за месяц. Помимо того, что она использовалась для экстренной переброски войск и военной техники, чем способствовала успешному проведению контрнаступательной операции и разгрому фашистов под Москвой, было у нее и еще одно назначение...

Данила уже ничего не понимал. Отец Филарет сейчас говорил иным языком, не так, как говорили кремлевские. Признаться, за стенами Кремля и у самого Данилы речь несколько менялась, нахватался от Снайпера словечек разных и древних речевых оборотов. Но внутри периметра среда влияла, что ли... Новые слова забывались, и вновь вылезал с детства всосанный с молоком матери слегка тягучий кремлевский говор. Нынче же весьма странно было слышать из уст старого монаха-учителя хоть и почти везде понятные, но в то же время чужие слова...

– На московских заводах в обстановке строжайшей секретности был собран первый излучатель торсионного поля. Установили его на самой высокой башне Кремля, Троицкой, выведя передатчик прямо в шпиль. А колебательным контуром, собственно передающей антенной, стала Кольцевая дорога.

– А чего, в тогдашней Москве выше зданий не было? – поинтересовался Данила. Из речей отца Филарета понимал он хоть и не все, но суть уловил.

– Может, и были, – кивнул старик. – Да только тогдашние бояре с князем здесь сидели, в Кремле. И руководить процессом хотели напрямую, чтоб прям из кабинета можно было своим войскам посылать волны, поддерживающие воинский дух, а среди врагов сеять страх и панику.

Сработал тогда передатчик или нет – неизвестно, однако вражью силу под Москвой остановили, прям, считай, возле той самой Кольцевой дороги. А через полтора года после окончания войны князь приказ издал построить вокруг Кремля восемь высоченных домов-башен со шпилями.

– Излучатели тех полей, что на мозги людские влияют?

– Точно, – кивнул Филарет. – Проект так и назывался «Кольцо-Сознание». Вот смотри.

Концом посоха старик принялся рисовать что-то на пыльном полу.

– Это Кремль, – ткнул он в многогранную фигуру, начертанную в пыли. – Здесь, здесь и здесь построили три башни, расположив их треугольником, вершина которого смотрела на запад. Думаю, такую мощь нагородили на западном направлении чисто на всякий случай, чтоб

² О судьбе ученого Николая Теслова можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Путь якудзы».

больше германцы не сунулись, а американцы даже не думали сунуться. Тут, – старик ткнул посохом в точку на юго-западе, – одну построили. Держать Украину, Белоруссию и позже страны Варшавского договора. С востока тоже три башни возвели для контроля над восточными республиками и Китаем. Восьмую, самую высокую, которая многократно усиливала бы сигнал других излучателей, достроить не успели – князь умер.

– А почему с севера и юга ничего не возводили? – поинтересовался Данила.

– Так там контролировать особо нечего было, – улыбнулся старик. – На севере все свои, а за ними – Ледовитый океан. На юге – то же самое, и далее моря, Азовское с Черным. Остаточного излучения Кольцевой дороги было вполне достаточно для контроля за этими областями. Правда, думаю, мощи Излучателей все равно на весь мир не хватало, потому на Украине в восьмидесятых годах построили еще одну установку «Кольцо-Сознание», охватывавшую все Западное полушарие Земли. Правда, похоже, в результате диверсии та установка была взорвана.

– Чернобыльская авария?

– Да... – несколько растерянно кивнул Филарет. – А ты откуда знаешь?

– Снайпер рассказывал. Правда, немного. И неохотно.

– Понятно... – задумчиво протянул старик. – Ты говорил, что он пришелец то ли из прошлого, то ли вообще из другого мира. И как раз с Украины. Возможно, это все не случайно. Данила пожал плечами.

– Может, и не случайно. Только вряд ли, отче, мы об том узнаем в ближайшее время. Но все равно я никак в толк не возьму, меня-то как к этой истории пристегнуть?

– Думаю я, не случайно мутанты прут на Кремль, – тихо произнес Филарет. – В старых книгах написано, что постоянное и неконтролируемое воздействие торсионных полей порождает агрессию у живых существ, одновременно притягивая их к передатчику. Сейчас это воздействие усилилось. Мне книжник Борислав рассказал кое-что. След Буки, двуногой твари из прошлого, включил Садовое Кольцо. Бориславу с товарищами своими удалось его потушить, но чую я – после этого на востоке неладное твориться начало. Может, тот след включил не только защитный контур Садового кольца, но и что-то еще, намного более страшное. Мои доверенные люди все архивы подняли, все доступные и недоступные места в Кремле перевернули – а передатчик найти так и не смогли. Как и источник питания. Хотя источник может быть и неблизко. Теслов знал, как передавать энергию без проводов...

– Ясно, – кивнул Данила. – Сказка есть такая. Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

– Потому я тебя и позвал, – хмыкнул отец Филарет. – Если кто может совершить такой подвиг, то только ты. Вместе со своими друзьями.

– Фыф с Настей? – удивился Данила. Вот уж не думал дружинник, что отец Филарет воспринимает всерьез маленького шама и красавицу кио.

– Не только. Я бы на твоём месте взял с собой небольшой отряд, человека три-четыре. Мало ли что в дороге случиться может... А теперь скажу немного о том, что я еще знаю. В те годы, когда разрабатывался проект Кольцевой дороги, в Измайлово под огромным стадионом был построен секретный бункер Сталина. На острове, расположенном посреди огромного пруда. Причем этот бункер соединялся с Кремлем отдельной специальной семнадцатикилометровой веткой подземного метро.

– А на острове-то зачем? – удивился Данила. – Тоннель копать труднее же в разы.

– Могу лишь только предположить, – пожал плечами отец Филарет. – Много воды нужно было либо для защиты острова, либо для охлаждения реактора. Как и здесь, в Кремле, кстати, который со всех сторон окружен водою – Москвой-рекой и теперь лишь частично подземной Неглинкой.

– По метро семнадцать километров не пройти, – сказал Данила. – Километр-полтора еще бы пробилась с боем через руконогов. Больше – нереально. Ни патронов, ни людей не хватит.

– Никто и не разрешит трогать старые подземные завалы, – покачал головой старик. – Кто знает, что оттуда ползет. Да и запечатаны входы в метро наглухо, тебе ли не знать. Так что идти придется поверху. Карту я тебе нарисую, а дальше все от тебя зависит.

Данила снова задумчиво поскреб подбородок.

– Понимаю, большую цену я прошу тебя заплатить за проверку моей теории, – с неожиданным надрывом в голосе произнес отец Филарет. – Но если я прав, неоценимую услугу окажешь ты Кремлю. Возможно, для того, чтобы отключить генератор Теслова, достаточно лишь повернуть рубильник. И тогда все прекратится. И атаки мутантов, и непонятные явления типа гнойников, ледяных гейзеров и Полей Смерти, которые неизвестно откуда взялись и продолжают появляться.

Дружинник пожал плечами.

– Как скажешь, отче. Мне-то не привыкать. Только вот, боюсь, Фыф с Настей откажутся помогать Кремлю. Их же тут врагами сочли и чуть жизни не лишили.

Старик опустил голову, нервно теребя бороду узловатыми пальцами.

– Тут ты прав, – глухо произнес он. – Но идеально нигде никогда ничего не бывает. В людях всегда поровну и хорошего, и плохого. И балансирует то плохое-хорошее словно на весах. То одно перевесит, то другое. Когда твои друзья сюда попали, весы качнулись не туда...

– Не соглашусь, отче, – мягко перебил Данила Филарета. – Бывает, что у некоторых на тех весах гнилья столько, что за ними добра и не разглядеть. А бывают люди, у которых и весов-то нету никаких, один свет изнутри. Как у вас, например. И когда такой человек попросит какую безделицу, ради него не грех и сходить незнамо куда. А гниль нам не привыкать из чужих душ мечом выковыривать. Потому как иначе с нею никак не сладить.

Старик поднял глаза на дружинника. Слабый огонек светильника выхватил на мгновение из полумрака одинокую слезинку, скатившуюся по морщинистой щеке.

– Ради меня не надо, сынок, – прошептал он. – Не заслужил. А вот ради людей постарайся еще разок. Вовек не забуду...

По ночам на кремлевских улицах зажигали фонари. Не столько для свету, сколько ради традиции. Коль горят фонари на ночных улицах, а факелы – на стенах, значит, стоит Кремль, не сдался. И живы люди в нем. И проживут еще назло всякой нечисти, что глядит в ночи на те огни и скрежещет зубами в бессильной ярости.

Впрочем, не только традиция была причиной ночного освещения. Во-первых, гигантские рукокрылы опасались низко летать над огнями. Во-вторых, все же иной раз требовалось пройти по улице ночью, и при этом не очень хотелось влезть сапогом в кучу фенакодусова дерьма. Да и, случись ночной штурм, все сподручнее бежать на стены по освещенным улицам, нежели толкаться во тьме, пытаясь при помощи огнива зажечь факел. В общем, практически одни плюсы, если не считать еженощного расхода дефицитного турьего жира, которым и заправляли ночные фонари.

Данила шел обратно к Кавалерийскому корпусу, в обход рощи живых деревьев. Это отца Филарета хищные ветви не трогают, а простому дружиннику лучше поостеречься, пока такого авторитета среди дендромутантов не заработал.

Шел Данила, задумавшись крепко, что и неудивительно. Карту ему отец Филарет и вправду нарисовал угольком на обратной стороне наиболее сохранившегося листка. А остальные, собрав их горкой, неожиданно полил горящим жиром из светильника. Старая бумага занялась мгновенно, словно была из пороха сделана. На недоуменный вопрос Данилы старик пояснил:

– Если удастся наша задумка, то надо ли будет кому объяснять, почему мутанты больше на Кремль не лезут? Ну а не удастся, так и нечего людям головы морочить. Ты, Данила, иди и ни о чем не думай. А что князю сказать насчет того, куда ты ушел, то моя забота.

Сейчас Данила шел и думал о том, кто ж такой на самом деле отец Филарет, что к его словам сам князь прислушивается, хотя вроде бы положено наоборот? А еще он думал о семи таинственных Излучателях, которые никто из кремлевских в глаза не видел. Хотя – стоп! Может, и видел. Вроде тот парнишка, книжник из Семинарии, путешествовал вдоль Садового кольца. А судя по довольно подробной карте, мастерски нарисованной отцом Филаретом, как раз чуть ли не на самом Садовом стоят аж три высотки-Излучателя! Вот бы того семинариста найти и расспросить, что да как! Вдруг не надо будет идти к черту на кулички, а проще окажется найти те высотки да тупо антенны с них посрубать. Или порошу взять с собой, найти да взорвать передатчики, что в подвалах тех Излучателей запрятаны. Хотя отец Филарет говорил, что кремлевский передатчик так до сих пор не нашли. Значит, и там не все так просто. Но, с другой стороны, совсем уж легких путей не бывает, почему не попробовать?..

Поток мыслей дружинника прервало какое-то движение на другом конце Ивановской площади, которое Данила поймал краем глаза. Заметил бы и ранее, да задумался шибко.

Вдоль величественного здания Военной школы параллельным с Данилой курсом двигалась группа людей, явно направляясь к зданию Сената. И люди-то все были знакомые...

Быстрым шагом Данила пересек площадь.

– Не пойму я тебя, Савелий, – произнес дружинник вместо приветствия. – И что у тебя за служба такая поганая, людей под автоматами по Кремлю ночью водить? Я б давно на твоём месте или в стрельцы перевелся, или удавился бы от такой позорной работы.

– Преступников ловить не позор, – сказал подъячий, бросив на Данилу хмурый взгляд, не сулящий ничего хорошего. – А ты иди подобру-поздорову куда шел. Если за тебя отец Филарет заступился, это еще не значит, что с твоим делом покончено.

Данила вздохнул, окинув взглядом всю группу. Савелий, двое опричников с ним и давешний семинарист с руками, заведенными за спину. Угу, кандалы на парнишку нацепили, зря, что ль, опричники их на поясе таскают.

– А Борислав-то чем провинился? – поинтересовался Данила. – Тем, что вестов привел, которые сейчас Форт восстанавливают? Или что Садовое Кольцо потушил, из-за чего мы успели с караваном к Кремлю прийти вовремя?

– Я уже говорил и повторять не буду, – зарычал подъячий. – А ну уйди с дороги! Именем князя нашего...

Данила уже отметил, что автоматы опричников как смотрели стволами в землю, так и не сместились с этой обширной цели ни на вершок. Видать, пошатнулся изрядно авторитет подъячего после того, как один из опричников на глазах у всех бросил службу. Да и судя по тому, что книжника конвоировали только двое, возможно, что и остальные слиняли.

Дружинник приблизился вплотную к подъячему и, аккуратно взяв его за бородавку, дернул ее книзу. Потому и осталось неизвестным, что именно Савелий хотел провозгласить именем князя. Челюсть подъячего со слюнявым «чавк!» вслед за бородой отъехала книзу, обнажив редкие, порченные кариесом зубы. Данила глянул на них, словно фенакодуса проверял на пригодность к воинской работе, после чего сокрушенно покачал головой.

– Такой гнилой пастью княжье слово и дело провозглашать великий грех. А ну отпусти мальчонку, пока я тебе башку не свернул!

– Не надо, дядька Данила, – неожиданно подал голос книжник. – Я за свои дела перед князем и Кремлем сам ответ держать буду.

– О как! – подивился дружинник. – Ну смотри. Если подъячий не брешет, за двух раненых опричников с тебя спросят по полной.

– Пусть спрашивают, – упрямо тряхнул головой Борислав. – Когда я стилосы в людей метал, знал на что шел. По крайней мере теперь ты Садовое свободно пройдешь. А я более от суда бегать не хочу. Пусть будет что будет.

– А с чего ты взял, что я пойду через Садовое? – сказал Данила, от удивления отпуская бороденку подъячего. Савелий клацнул челюстью и тихонько застонал – не иначе, язык прикусил и временно от боли застыл на месте, зажмурившись и став похожим лицом на сморщенный плод шагай-деревя.

– Пойдешь, – вздохнул книжник. – У вас, дружинных, на лицах написано, когда вы в поход собираетесь. Решительность шалая во взгляде появляется. Ты только высотки стороной обходи. Думаю, они мутантов притягивают. Возле МИДа толпы нео кучкуются, а то здание, что на Красных воротах, сплошь хищными корнями оплетено, причем каждый корень толщиной с жука-медведя. Другие не видел, но, думаю, там то же самое...

– Наговорились? – прошипел наконец-то пришедший в себя подъячий. – Уйди с дороги, Данила, в последний раз добром прошу.

– А то что будет? – поинтересовался дружинник. – Укусишь меня, и я от яда сдохну?

Сказал – и все-таки отступил в сторону. Что ж, если семинарист решил стать героем, его дело. По Закону за нападение на опричников при исполнении, пожалуй, в Тайном приказе могут не ограничиться плетью да отсидкой в сыром подвале, а вспомнить про старинную казнь через отсечение головы, которую уже лет сто не применяли. Исходя из чего Данила считал, что сейчас вполне можно было под шумок свернуть подъячему голову да подкинуть тело в живую рошу. Опричники бы и слова не сказали, им, видать, такая служба самим поперек горла. Но семинарист сам принял решение, и вмешиваться в чужую судьбу против воли человека никто не имеет права.

Дружинник глянул еще раз на перекошенное от злобы лицо подъячего, плюнул себе под ноги, развернулся и пошел обратно к Кавалерийскому корпусу. Следовало хотя бы часа два поспать перед походом, потом полчаса на сборы – и вперед, пока не рассвело. Потому как с рассветом частенько возникают не только лишние вопросы, но и лишние проблемы.

Фенакодуса звали Буркой. Данила всех своих боевых зверюг так называл. Этот был четвертым по счету. Прежние погибли, спасая хозяина. Данила всегда удивлялся, как может сочетаться в жутком с виду мутанте звериная ярость по отношению к врагам с безграничной преданностью хозяину и любовью к человеческим детям. Мелкие вообще «лошадок» за большие игрушки держали – когда до них добирались, конечно. Вообще-то не положено к фенакодусам никому подходить, кроме хозяина. Взрослого мужика мутант может и куснуть. А кус у него жуткий. Разинет пасть, смахивающую на старинный чемодан, хлоп – и руки нет. Или головы, если цапнет удачно. Но это зверя сильно разозлить надо. Только кто ж будет злить фенакодуса? Лишь тот, кто с головой не дружен. А такому голова и ни к чему...

Нового Бурку Данила объездил как раз перед экспедицией. Дело привычное. Вспрыгнул на спину, дал кулаком меж ушей, сдвигая коленями бока мутанта так, что ребра затрещали, – и все, покорились зверь, способный в одиночку противостоять нескольким вооруженным нео. Фенакодус, конечно, тварь сильно опасная, но предки-то у нее все-таки лошади, которых поколениями объезжали прапрадеды Данилы. Генетическая память штука серьезная...

Морда, больше похожая на динозаврю, чем на лошадиную, потянулась к дружиннику. Чутко дрогнули ноздри. Фенакодус зверь подозрительный. Глазам верит, но понюхать-то все равно надо. Уловил ноздрями знакомый запах, приоткрыл пасть с жуткими зубищами, будто улыбнулся, и тихонько заржал. Признал. И конечно, угощения просит.

Данила вытащил из кармана кожаных штанов кусок вяленого мяса, протянул. Длинный язык мелькнул меж клыков, аккуратно смахнул с ладони угощение. А отец Филарет говорил, что до Последней войны лошадей угощали морковкой да сеном. Честно говоря, не верится как-

то. Реально ли такую зверюгу сухой травой прокормить? Разве только возами ее в фенакодуса загружать. Да и где той травы взять столько?

Все это Данила крутил в голове, пока седлал Бурку. Движения привычные, руки сами все делают. Можно и о прошлом поразмышлять, как оно все было до той проклятой войны. А вот о будущем думать решительно не хотелось. Получается, снова он Кремль покидает будто тать в ночи, без благословения князя. Многие могут счесть за бегство. И потом действительно вспомнить всё: и плен у шамов, и выкуп тот злосчастный, и смерть Ратмира. Подьячий уж точно постарается, чтоб вспомнили. Но, с другой стороны, отцу Филарету отказать в просьбе никак невозможно. Даже мысли такой у Данилы не возникло. И не просто потому, что Учитель с малолетства думать приучал мозгами своими словно оружием пользоваться. Просто не раз убеждался дружинник: Филарет лучше других знал, что нужно Кремлю. И пока еще ни разу не ошибся...

Данила взял оседланного фенакодуса под уздцы и вывел из стойла. Все готово. В переметных сумках харч на неделю, в ножнах – меч, в специальных гнездах на широком поясе – метательные гвозди. За спиной небольшой кавалерийский щит, из-за щита торчат древки трех сулиц, коротких метательных копий. Нарезной огнестрел нынче оружие строгой отчетности, выдается лишь по специальному распоряжению князя. А дульнозарядные пистолы Данила решил с собой не брать. Не лежала больше душа к музейному оружию, после того как пострелял из «Вала» и «Корда». Так что пусть лучше будут под руками верный меч да металки, пока не удастся вновь раздобыть настоящее огнестрельное, от которого душа поет, а враги превращаются в решето. Хотя в такую удачу верилось слабовато. Дважды подряд так везти не может...

Задумчивый, весь в мечтах об утраченной огневой мощи, вышел Данила из конюшни, ведя за собой Бурку... и остановился, словно на стену напоролся. Бурка, сопереживающий хозяину, тоже весь в своих конячьих мыслях, не затормозил сразу. Ткнулся ноздрей в окочуженную спину Данилы, всхрапнул недовольно и, выглянув из-за плеча хозяина посмотреть, в чем дело, оскалится. Хорошо б, чтобы прям сейчас хозяин скомандовал «взять!». Не пришлось бы жевать сушеное мясо на завтрак.

Но хозяин молчал, сам несколько озадаченный.

Перед ним на коленях стоял давешний опричник, тот самый, который нереально для человека поперек себя шире. Как увидел Данилу, выходящего из конюшни, так и рухнул, будто ему по подколенным сухожилиям оглоблей вдарили. Дружинник не успел ничего сказать, как опричник прижал правую руку к сердцу и воскликнул:

– Учитель, укажи мне Путь!

Тут Данила вконец обалдел. Ритуальную фразу обращения неопита к Мастеру знали все, да не каждый рискнул бы произнести такое без соответствующей причины. Мастеров в Кремле традиционно было девять: Учитель боя на мечах; Мастер копья и алебарды; огромный как скала Мал, Мастер дробящего оружия и личный телохранитель отца Филарета; Мастер огненной стрельбы, обучавший работе с фузеями и пушками; Мастер рукопашного боя без оружия; Мастер выживания на открытой местности, обучавший как живым в развалинах остаться; Мастер конного боя, учивший как с фенакодусом ладить и верхами биться, а также сам отец Филарет, Верховный Духовный Наставник, с детства прививавший юнакам сознание воина, без которого любые боевые навыки так, пустое место.

Был еще Хранитель Утраченных Знаний, учивший плаванию в специальном бассейне, в который подается вода из подземного ключа. Он же обучал обращению с автоматом Калашникова и другим доступным огнестрельным оружием прошлого. Пока патронов не было, тренировались на дезактивированных музейных, лишь нынче с появлением действующих образцов немного проще стало. Также машину водить учились дружинники – если это можно так назвать. Машин-то не осталось, потому обучение проходило на муляже-кабине ГАЗ-66. На

педали давишь, руль крутишь, а зачем все это – непонятно. Пока со Снайпером Данила не поездил, так и не мог взять в толк, что к чему...

Тут все более-менее понятно. Но жил в Кремле и десятый Мастер, Устин, о котором ничего особо известно не было. Пришел давно, еще когда люди на поверхность только в противорадиационных костюмах выходили, поговорил с тогдашним князем. Говорят, показал ему, что умеет. И издал князь указ – кого новый Мастер в ученики к себе наметит, тот обязан все бросить и идти обучаться или дитёнка своего в обучение отдать, ежели на него Мастер глаз положит. Причем независимо от того, дружинник ты, Пахарь или Мастеровой, чем был занят до этого и хочешь ли идти незнамо к кому учиться не пойми чему или нет.

Сперва народ переполошился на предмет как и что, а потом успокоился. В ученики к себе Устин набирал в основном малолетних детишек, из которых вырастают далеко не первые Дружинники и Мастера, а парни хитрые, в основном тощие, которые при случае не прочь спереть снедь какую-нибудь, что плохо лежит, и сожрать в укромном уголке в одну харю. Словом, таких, от которых бывает больше проблем, чем толку.

Говорят, мучил новый Мастер учеников нереально, руки-ноги им тянул-выкручивал, суставы выворачивал, в мышцы гадость какую-то колол, от которой учеников крючило, словно от падучей болезни. И гонял при этом день и ночь, словно голодный био крысособак. В общем, не позавидуешь. И при этом объявил через глашатая: мол, пацаны, которые не достигли пятнадцати годов и сами захотят обучаться, приходите, посмотрим. Только на колени придется встать и произнести: «Учитель, укажи мне Путь!», – после чего дороги назад не будет. Ну да, как же. После эдаких слухов даже среди самых отъявленных шалопаев дурней не нашлось.

Тем не менее через пару месяцев после прихода Устина в Кремль последовал новый указ князя: сформировать в Стрелецком приказе отряд Пластунов, подразделение внешней разведки. Мол, будут те Пластуны в одиночку ходить за кремлевские стены в развалины, добывать сведения о передвижениях кланов нео и другую полезную информацию. Дружинники тогдашние, конечно, взбеленились было, но потом успокоились. Воевода пояснил, что одно дело конная разведка боем, где доблесть и воинская выучка важнее всего. И совсем другое – искусство незаметно пролезть там, где ни люди, ни нео не ходят, подсмотреть все что нужно и живым обратно с докладом вернуться. Дружинники, знамо дело, поворчали еще для порядку, а потом махнули руками на новые веяния. Начальству виднее. Хотят из людей глазастых ужей делать – пусть делают. Главное дело, дружинные дела и свободы остались без изменений, а на остальное наплевать с самой высокой Троицкой башни, чтоб дольше до земли летело. Вот так с той поры в Кремле Пластуны и появились.

И вот теперь стояла на коленях перед Данилой эта нереальная орясина и, похоже, просилась в ученики.

Дружинник почесал подбородок, припоминая, не приложил ли он детинушку головой об какой-нибудь старый кирпич. Да нет, вроде культурно все было, без мозговых увечий. Дыхалку разве что помял да кадык, может, прищемил. Но от этого вроде как маковку снести не должно.

– Ты не перебрал с горя, детинушка? – поинтересовался на всякий случай Данила. – Тебе с такими речами к Мастеру Устину идти надо.

– Я и пришел к Мастеру, – не вставая с колен, проговорил опричник. – Ползать по развалинам, словно змей, я желания не имею. А Мастер-рукопашник учит только, как нео в глаза пальцами тыкать да по яйцам им ногами стучать.

– И правильно учит, – мягко произнес Данила, словно с упрямым дитём разговаривая. – Не надо бояться того, кто изучает тысячу приемов. Опасен тот, кто изучает один прием тысячу раз.

– Ты про безоружный бой знаешь больше любого Мастера, – стоял на своем опричник. – Люди говорят, тебя прищелец из Иномирья обучал, которого Снайпером кличут. Обучи меня!

Верой и правдой служить стану, сапоги чистить, за фенакодусом ухаживать, еду готовить. Только научи!

Данила вздохнул. Ехать надо, а от «ученика», похоже, не отвяжешься.

– Хорошо, – сказал он. – Сапоги себе я сам почищу, к Бурке не подходи, если не хочешь без головы остаться. А насчет еды я тебя за язык не тянул. Иди, собирайся, полчаса тебе времени.

На самом деле Данила рассчитывал, что через полчаса он уже будет далеко от кремлевских ворот. Но номер не прошел.

– Дык я собрался уже, – осклабился опричник, поднимаясь с колен и поворачиваясь боком.

О как! В складках свободной рясы опричника Данила и не заметил лямок огромного рюкзака, который за необъятными плечами разглядеть было нереально.

– Ладно, – махнул рукой Данила. Слово сказано, деваться некуда. – Звать-то тебя как?

– Орясой нынче люди прозвали, – осклабился опричник.

– То нынче, что понятно, – кивнул Данила. – А ранее?

– Федькой Потешниковым, – с неохотой проговорил новоявленный ученик.

– Ясно. Оружие есть какое?

– А как же?

Федька завел руку за спину, дернул за рукоять, торчавшую на треть из нижней части рюкзака. На землю, змеясь, упал бич, плетенный из тонких полосок турьей шкуры. Кончик бича утолщен, словно голова хищной змеи.

Данила неопределенно повел бровью. Шалапуга оружие дельное, если, конечно, умеешь им владеть. Уловив сомнение во взгляде дружинника, Федька осклабился вновь, показав несколько крупных зубов, торчащих из десен словно зубья поломанных граблей, щелкнул бичом. Кучка рукокрылого дерьма, прилепившаяся к верхней крышке ближайшего фонаря, разлетелась брызгами. Хорошо, что в глаза никому не попало, только Бурке на лапы маленько и Даниле на сапоги.

Дружинник вздохнул.

– Н-да. Насчет сапог-то я, похоже, погорячился. Помимо шалапуги что есть с собой?

– Жратвы на две недели, нож, одеяло, новые сапоги, – с досадой в голосе проговорил Федька. Понятное дело: только в ученики взяли – и так опростоволоситься.

– Фенакодус имеется?

– Нету, – потупился Оряса. – Не положено. Из Пахарей я. Всю жизнь мечтал в дружину попасть...

– И потому в Поле Смерти залез? – закончил Данила, еще сам не веря в собственное предположение. – Хотел в дружину, а попал в опричники?

На удивление, Оряса промолчал, лицо его пошло пятнами.

Данила был удивлен неимоверно. Неужто такое и вправду возможно, чтоб человек смог прожечь себя в красном Поле Смерти? Там жедохнут четверо из пяти нео, желающих стать вожаками клана! Что ж, если это действительно так, парень достоин уважения. Хотя, похоже, умом не блещет, но упорства в достижении цели ему не занимать.

– А если и залез? – закончив мяться и багроветь щеками, выпалил Федька. – Зато теперь могу вровень с твоим фенакодусом бежать от привала до привала.

– Ладно. Куда я еду, знаешь?

– Не знаю. Мне без разницы, – повел могучими плечами Оряса. – Куда Учитель, туда и я.

Данила кивнул. Что ж, опричник сделал свой выбор, больше говорить не о чем. И так задержался с ним на десять минут против расчетного времени.

Одним движением дружинник взлетел в седло, слегка сдавил коленями бока Бурки. Умная зверюга, покосившись на Федьку недобрый глазом, тронулась с места рысью. Крепкие

когти застучали по деревянному настилу неширокой дороги, проложенной меж Большим и Кремлевским дворцами. Оряса побежал следом неожиданно легко для такой туши. Что ж, посмотрим, насколько хватит прыти опричнику. В случае ежели приврал, ждать его никто не будет.

Данила рассчитывал незаметно проехать в тенечке вдоль Патриаршьих палат, свернуть за колокольню Ивана Великого и тайными, одному ему известными тропками через Тайницкий сад добраться до Спасской башни. А там уж с охраной ворот договориться как получится. Если же не получится, то оставить Бурку в Кремле, а самому вернуться в плотоядный сад, отыскать заветный люк и знакомым подземным ходом пройти под кремлевской стеной. В прошлый раз выход из тоннеля завалило взрывами мин, но сейчас то место вроде как расчистили весты, ремонтирующие Форт. Нашли они ход или нет – вопрос, но попытаться можно...

Однако добраться до ворот без дальнейших приключений не получилось.

Из-за колокольни со стороны Ивановской площади послышался еле слышный перестук фенакодусовых когтей по деревянной мостовой. Судя по звуку, ехали трое-четверо всадников. И быть это мог только стрелецкий патруль, который вполне закономерно поинтересуется, какого ляда дружинник в полной воинской сброе и с переметными сумами у седла делает посреди ночи на улице.

Данила аж скрипнул зубами от досады. Единственное открытое место на его маршруте преодолеть не удалось. Надо же было патрульным именно в это время и именно здесь проехаться! Но судьба есть судьба. Данила слегка натянул поводья, и фенакодус послушно перешел с рыси на шаг. Еще не хватало, чтобы подумали, будто дружинник от стрельцов бегать вздумал.

Не сказать чтобы Данила недолюбливал воинов из Стрелецкого приказа. Люди то были достойные без сомнения. Регулярно, изо дня в день нести охрану кремлевских стен по графику «через день на ремень», то не каждому дано. Труд монотонный, но ответственный донельзя. Всего Стрелецкий приказ насчитывал пятьсот человек, которые делились на десятки. В десяток входили начальники Башен и девять их помощников, основной задачей которых были охрана стен, Башен и ворот Кремля. Гарнизон охраняемой Башни включал в себя пять человек, еще пятеро дефилировали туда-сюда вдоль зубцов стены по правую руку от Башни. Итого на двадцать кремлевских Башен приходилось двести человек за смену. Смен всего две, в которых задействовано четыре сотни человек. Еще сотня – резерв на случай болезни стрельцов, естественной убыли личного состава вследствие штурмов и так далее. Также функцией резерва являлось патрулирование улиц самого Кремля.

Естественно, что стрельцы меж собой ворчали, мол, мы как заведенные каждый день со стен на улицы и обратно, а дружина только в тренировочном зале Арсенала мечами друг с дружкой машется себе в удовольствие да за ворота на прогулки катается. Дружинники же подшучивали над стрельцами, мол, работенка у мужиков «не бей лежачего». Стой себе на стене, в носу ковырай, вдаль смотри, наслаждайся пейзажем. Вот мы, настоящее войско Кремля, в любом бою первые, и только на нас вся надежда. В общем, извечная «любовь» представителей разных силовых структур друг к другу, мол, мы – это да! А вы так, погулять вышли.

И сейчас Данила усиленно прикидывал, что бы такое сказать «друзьям»-стрельцам, чтоб отстали побыстрее. Только вряд ли они отвяжутся. «Башенники» и «стеношники» народ вредный до безобразия, особенно когда не на объекте, а в патруле. Тут им лучше в неурочное время вообще на глаза не попадаться...

На открытое место выехали три конных силуэта, в поводу у самого рослого – один оседланный фенакодус без всадника. Только вот странно, что не стрелецкие шапки на патрульных, а островерхие шлем-каска, которые могут быть только...

– Далече собрался, Данила?

– Уффф... – выдохнул дружинник, узнав голос. – Чтоб вам всем икалось до Иванова дня.

– Не признал, что ль? – усмехнулся рваной щекой Никита, въезжая в полосу света, падающую от ближайшего фонаря. – А это что за жук-медведь с тобой? Не тот ли, которому ты трендюлей выписал, из-за чего тебя чуть в сенатские подвалы не упекли?

Данила отметил краем глаза, как начали раздуваться от гнева щеки Орясы, и усмехнулся про себя. Против Никиты в полной сбросе Федька со своей шалапугой все равно что щенок против матерого волкодава. Темный переулок – это тебе не площадь перед Кавалерийским корпусом, где все на виду. Случись чего, ночь все спишет...

Похоже, это осознал и Оряса. Глянул на Никиту, на Тимоху, сидящего рядом на фенакодусе, – и вдруг яриться на диво быстро перестал, сдуслся и сделал вид, что сказанное вообще к нему не относится. Да и Тимоха внезапно ни с того ни с сего потемнел лицом, на Орясу гневно глянул, явно хотел сказать что-то, но смолчал, пересилив себя. В другое время Данила, может, и заинтересовался бы – похоже, знают друг друга дружинник и его новоиспеченный ученик, и второй явно Тимоху если не побаивается, то стесняется, что ли... что, впрочем, не помешало ему возглавить шайку опричников, пытавшихся отжать у дружины Кавалерийский корпус. Но сейчас явно не до выяснения отношений, дело делать надо.

– Вас-то сюда каким ветром занесло? – вместо ответа поинтересовался Данила.

– Да вот, решили фенакодусов размять, – с невинным видом ответил Тимоха.

– Угу, в полной сбросе оно в самый раз, – кивнул Данила.

– Через три минуты этим маршрутом проедет стрелецкий разъезд, – проговорил так и не выехавший на свет третий силуэт голосом Степана. – Потому, если ты к Спасским воротам решил проехаться, хорош трепаться и поехали.

Поняв, что разъяснений он не дожидается, Данила кивнул и тронул поводья Бурки. Лишь проезжая Ивановскую площадь, поинтересовался:

– А зачем заводного фенакодуса взяли?

– Думали, ты пешком двинешь через Тайницкий сад и наружу. Только верхом оно быстрее получится.

С таким доводом трудно было не согласиться. Интересно только, откуда они про подземный ход узнали? Но решение загадок лучше до поры отложить, пока есть дела поважнее.

– Ну а коль ты верхом...

На скаку Степан бросил повод заводного фенакодуса Орясе. Тот поймал ловко, словно ждал. И с не меньшей сноровкой для такого грузного тела взлетел в седло. Данила усмехнулся одобрительно. Дружиннику за такой прыжок Мастер конного боя выдал бы на орехи по полной программе. Но для бывшего Пахаря у Орясы весьма неплохо получилось с фенакодусом управиться, видно, что парень не одного тура довел до нервного срыва, тренируя навыки верховой езды.

Верхами оно действительно получилось быстрее. Не прошло и двух минут, как кавалькада уже почти доехала до Спасских ворот. Данила по пути прикидывал: даже если отец Филарет все рассказал Степану, и тот в курсе задумки Духовного Наставника, все равно слова дружинного десятника будет маловато, чтобы стрельцы выпустили такую толпу из Кремля. У одного Данилы был шанс попытаться уболтать сторожей, пусть даже и мизерный – все-таки авторитет у него среди простого народа в Кремле имелся. Но целый отряд вооруженных всадников – это совсем иное...

Впереди показались надвратные фонари Спасской башни, специально прикрепленные так, чтобы свет падал на площадку возле ворот. Для стрельцов с башни, стен и с углового поста за Военной школой любой подъезжающий как на ладони. А сами они в тени, стреляй – не хочу.

– Стоять! Кто такие?

– Ну вот, началось, – пробормотал про себя Данила. Хотя иначе и быть не могло...

– Свои, – отозвался Степан.

– Свои в такое время дома спят, десятыя сны смотрят. Кто такие, спрашиваю?

Голос был грубый, хриплый, что называется «с трещинкой». Но тот, что перебил его, был еще паскудней.

– Преступники это, служивый. Слово и дело!

«Слово и дело» – присказка старинная и страшная. Говорят, пятьсот лет назад такое выкрикивали княжьи люди, обнаружившие государственного преступника или несчастного, кто им таковым показался. После чего человека можно было считать мертвецом – из следственных подвалов мало кто возвращался. Потом, после смерти тогдашнего князя, говорят, одумались, но через триста лет все повторилось. Снова по всей Руси убивали людей сотнями – за слово, за взгляд, который кому-то не понравился, и этот «кто-то» взял да донес. Тогда говорили: «Лес рубят – щепки летят». Этого Данила понять не мог, как ни силился. Судя по тому, что рассказывал отец Филарет, свой народ тогдашний князь вырубал под корень, а попадали под топор истинные враги или нет – неизвестно. Страшной сказкой казались такие истории. Но вот сейчас, похоже, все повторяется.

– Слово и дело!

Краем глаза Данила увидел, как в окна Военной школы блеснули несколько автоматных стволов. Значит, засада. Значит, знали все опричники и просто ждали, когда дружинники сами заедут в расставленные сети. Теперь всё. Стоит подьячему своим мерзким голосом произнести единое слово – и поляжет весь дружинный отряд, словно молодая трава под кислотным дождем.

– Ну что ж, арестуй меня, подьячий, – неожиданно веселым голосом громко сказал Степан. – Только сначала подойди, покажу чего.

– Все, что ты можешь показать, я в подвале Тайного приказа посмотрю, – вновь раздался голос из-за угла Школы. Видать, Савелий прятался за мешками с песком, на которых были установлены два стеношных стреломета, угрожающе направленных на дружинников. – Взять их!

– А вот это ты погоди, подьячий, – прозвучал в темноте тот самый голос «с трещинкой». – Ты в Сенате распоряжайся, ежели Тайный дьяк позволит. А в своем карауле я команду.

На свет из темноты вышел невысокий мужик в длинном, ниже колен тегиле, усиленном квадратиками стальных пластин. Не кольчуга, конечно, одежда стрелецкая, но метательное копьё не о на излете удержит. Другое дело, что обезьяны тоже не дураки и копыя свои швыряют во время штурма, подобравшись поближе к стенам... Еще на стрельце была плотная шапка с опушкой, рукавицы, как и тегилей, усиленные железом, и толстые сапоги. Из оружия – кривая сабля на поясе и длинноствольный пистоль за поясом. В руке стрелец держал бердыш – насаженный на длинное древко боевой топор с лезвием, искривленным полумесяцем. В умелых руках оружие страшное. Особенно при обороне удобно таким и рубить, и колоть лезущих на стены не о. А при случае использовать специальную выемку на обухе в качестве упора для фузеи или пистоля.

На шапке стрельца красовался вышитый знак – островерхая башня. Значит, сам начальник Спасского караула.

– Степан, ты, што ль? – спросил стрелец, прищуриваясь, словно из пищали целился.

– Я.

Десятник поднял стальную полумаску, защищавшую глаза и нос на манер забрала.

– А чего ночью-то шастаете? Случилось чего?

– Случилось, – сказал Степан, осторожно доставая из кармана кожаных штанов свернутую в трубочку бумагу. – Держи.

Начальник караула Спасской башни принял свиток, развернул...

Из-за мешков вышел подьячий. Даже при скудном свете фонарей было видно, что лицо его бледно, словно вылепленная из мякиша маска, которую слегка перекосило от ярости.

– От преступников бумаги принимаешь? – прошипел он в лицо стрельцу. – Правосудию препятствуешь? Недолго же тебе осталось ходить в начальниках...

– Да ну? – поднял густые брови стрелец. – Ты, подъячий, то ли белены обкушался, то ли рехнулся вконец. Это видел?

Со своего места Данила видел, как стрелец ткнул прямо в нос Савелию лист, с которого на нитке свисала большая блямба из красного сургуча. При виде этой блямбы подъячего пере-косило сильнее, отчего он стал похож на морока, что шляется возле Полей Смерти в надежде поживиться свежим мясом.

– Пропуск... В любое время впускать и выпускать через любые ворота Кремля... И княжья печать... Откуда? – выдавил он наконец. – Не подделка ли?

– Слушай, подъячий, иди уже, да? – скривился начальник караула, словно случилось ему только что хлебнуть прокисшего квасу. – Я, конечно, понимаю, должность у тебя важная. Но, по-моему, лучше бы ты, как твой батька Незван, ветеринаром стал, туров за яйца шупал. Толку, думаю, поболее было бы – хоть туры б довольные ходили.

Расхохотались все. Дружинники, сидящие в седлах, невидимые в ночи стрельцы на стенах, опричники, наконец показавшиеся слева в окнах Военной школы. Даже Бурка Данилы тихонько заржал, обнажив жутковатые с виду зубищи.

Савелий сжал кулаки в бессильной злобе, скрипнул зубами, аж до Данилы донеслось, развернулся и, не глядя ни на кого, пошел прочь.

«С такого скрипа можно вообще без последних жевалок остаться», – усмехнулся про себя дружинник, вспомнив подгнившую пасть подъячего. Вот ведь, действительно, жил бы себе человек спокойно и правильно, за турами ходил, как отец его. Пользу приносил и животине, и людям, имея от каждого из кремлевских почет и уважение. А сейчас бредет от Спасской башни, словно крысособака побитая, и его же опричники смеются ему в спину. Странно. Неужели есть в этом удовольствие какое, чтоб людей ловить, в кандалы заковывать, суд над ними чинить? Отец Филарет сказывал, мол, не судите, да не судимы будете. И вот, пожалуйста, идет себе человек, решивший, что он судить других вправе, а внутри него злоба клокочет и пожирает его, словно смертельная опухоль. Что, в общем-то, неудивительно. Сам себя приговорил подъячий к наказанию, выбрав свой путь. И нет страшнее приговора...

– Ушли – да и хрен с ними, – сказал стрелец, когда Савелий скрылся за углом Военной школы, а из окон, отсмеявшись, словно ночные тени исчезли опричники. – Не по нраву мне эти нововведения. Как бы беды не вышло. Парнишку вот из Семинарии заарестовали сегодня, сам видел. Не к добру...

– Нам бы за ворота, – мягко перебил начальника караула Степан.

– Да, конечно, ясное дело, – спохватился стрелец. И громогласно скомандовал в темноту: – Яшка, Иван, куб отодвигайте. Петька, у ворот снаружи чисто?

– Чисто, – раздался слегка приглушенный расстоянием голос. – Нео поди заняты, вшей друг у дружки на ужин выискивают.

– Тогда отпирай ворота.

Двое стрельцов, появившиеся из темноты, словно привидения, сноровисто откатили вбок по специально проложенным рельсам огромный стальной куб. Такие громоздкие конструкции уже много лет подпирали все ворота Кремля изнутри на случай, если нео вдруг изобретут таран или науськают какого-нибудь био попробовать тяжеленные створки на крепость.

Тихонько загудели невидимые механизмы. Спасские ворота неторопливо раскрылись, ровно настолько, чтобы между створками мог проехать один всадник.

– Ну что, поехали, – сказал Степан, опуская забрало шлем-каска.

– Мы – да, ты нет, – сказал Данила.

– Не понял.

Степан натянул поводья взявшего было с места фенакодуса, отчего зверюга недовольно всхрапнула.

– Я уеду, ты уедешь. А кто дядьке Еремею помогать станет? Кто Тимохиным ровесникам, недавно Посвящение прошедшим, воинскую науку шлифовать станет? Кто придержит горячие головы, мудрым советом от копий да дубин нео уберезет? Ветеранов-то в Кремле почти не осталось...

– А что, мои ровесники, ёшкина кошка, не такие же дружинники, как остальные? – заворчал было Тимоха, но десятник осадил его одним движением руки.

– Твоя правда, Данила, – сказал Степан. – Мне когда отец Филарет княжий пропуск давал, сказал то же самое. Признаюсь, послушаться я хотел, с вами поехать. Но коль вы в один голос одно и то же говорите, так и быть, останусь. Да и за подьячим присмотреть надо, а то, я смотрю, больно резво он взялся свои новые обязанности выполнять.

– До встречи, друже. Удачи, – произнес Данила, пожимая руку старого друга.

– До встречи, Степан, – криво улыбнулся Никита, очень постаравшись придать изуродованному лицу соответствующее моменту выражение.

– До встречи, десятник! – весело бросил Тимоха. Лицо парня с едва пробившимися усами лучилось от счастья – еще бы, второй дальний поход за стены Кремля, это вам не хухры-мухры! Будет о чем девкам рассказать.

– До встречи, братья, – тихо проговорил Степан. – Удачно вам добраться до МКАДа.

И, развернув фенакодуса, легким движением коленей послал боевого мутанта в обратный путь, туда, где гигантской перевернутой чашей маячил силуэт Царь-колокола.

– До чего добраться? – переспросил Тимоха. Но Данила не ответил, лишь развернул Бурку и направил его в ворота.

«Степан знает о проекте отца Филарета. И княжий пропуск старик доверил ему, не мне. Хотя понятно, почему не мне. Подозревал, что Савелий все-таки попытается меня остановить, и просчитал все на два хода вперед. Но почему ночью, тайно? Неужто вправду пропуск поддельный?»

Вопросов было много, гораздо больше, чем ответов. Но сейчас те безответные вопросы остались позади, за старинными зубчатыми стенами Кремля. Впереди же лежал путь в неизвестность, к разгадке тайны МКАД, в которой видел будущее жителей Кремля отец Филарет.

Фыф

Луч восходящего солнца все-таки пробился сквозь плотные заросли вьюна и коснулся единственного века на лбу спящего мутанта. Тот недовольно заворчал во сне и попытался перевернуться на другой бок. Попытка почти увенчалась успехом, но что-то твердое больно впилося в бок.

Глазные щупальца, безвольно свисающие книзу из слепых глазниц, рефлекторно дернулись. Одно из них довольно чувствительно хлопнуло по щеке – и спящий окончательно проснулся.

– Твою мать! – с чувством произнес Фыф, вытаскивая из-под себя раритет – пустую стеклянную бутылку с выцветшей, пожелтевшей от времени этикеткой, на которой еще можно было разобрать буквы «Водка пшеничная».

– Офигенное, твою мать, утро! – добавил шам, взял бутылку за горлышко, но тут же передумал швырять ее об стену, как планировал только что. Как-никак, антиквариат, а чудом сохранившиеся предметы старины шам уважал. К спиртному Фыф всегда был равнодушен, а вот страсть ко всякому древнему старью обнаружилась у него недавно, как и удивительная способность управлять ростом растений. Вот, например, из побегов вьюна всего за четыре часа занавески на окне вырастил, чтоб свет в глаза по утрам не бил. Правда, Настя говорит, что пьянство, собирательство древностей и увлечение ботаникой случаются исключительно от безделья. Но на то ж она и баба, чтоб ворчать и мужику почем зря мозги пылесосить. Функция у них такая, природой заложенная вместе с инстинктом детишек рожать и сиськами их кормить, причем даже если те детишки уже давно выросли и нуждаются не в грудном молоке, а в опохмелке по утрам после бурно проведенной ночи.

Ворча и потирая отдаленный бок, Фыф слез с жестких стальных нар, оставшихся в Бутырском замке с незапамятных времен. Мрачное место, честно говоря, этот замок. Длинные коридоры, темные, сырые камеры, из которых за столько лет так до конца и не выветрились как въевшийся в стены запах человеческого пота, так и тягостные эманации тоски тех людей, что годами сидели в этих камерах. Не захочешь – запьешь с горя. Тем более что спиртного было в избытке...

После того как Снайпер отдал замок своим друзьям-нео, Прау и Гроку, два клана нео – Рарги и Крагги – объединились в один. Новый клан назвали Раррами. Правда, Прау сразу же ушел вместе со своей потерявшей разум сестрой на поиски лекарства для нее. Потому главой клана стал Грок, весьма добродушный для нео обезьян, правда порой подверженный вспышкам неконтролируемого гнева³. Например, он здорово взбесился, когда значительная часть клана, несогласная с тем, что с людьми можно дружить и прокручивать общие дела, откололась и потащила куда-то в направлении Кремля. Не исключено, что на очередной штурм, о чем много гундосил заводила-раскольник, раздобывший себе где-то вместо шлема пустой череп «Раптора».

Грок поорал-поорал, побил себя в грудь кулачищем, посмотрел в преданные глаза притихшей от страха оставшейся части электората, плюнул в сердцах и, завернувшись в старинную плащ-накидку, с горя завалился спать прямо на земле.

В общем, замок превратился в обезьяний лагерь. Жрать кормовых Фыф запретил строго-настрого – как-никак, с их помощью они отстояли Бутырку от нашествия руконогов. Потому нео охотились в развалинах на хоммутов, рукокрылов и лысых ежей, коих возле замка водилось во множестве. Отоспавшийся Грок упросил Фыфа и Настю остаться в замке хотя бы на несколько дней, обещая обильную кормежку и самые лучшие камеры для полноценного

³ Об этих событиях можно прочесть в романе Дмитрия Силлова «Кремль 2222. Северо-Запад».

отдыха. Не без корыстного интереса, конечно. Похоже, Грок опасался, что раскольники вернутся с подкреплением. Как-никак, Бутырка не Кремль, и взять ее будет значительно проще. И про способности Насти, и про то, как шам один силой мысли управлял двумя десятками кормовых в бою с руконогами, обезьяний вожак как-то прознал, проникся и решил по возможности подольше удержать таких славных бойцов в замке. Так, чисто на всякий случай.

Настя с Фыфом особо и не противились. По большому счету, изгнанникам своих народов идти было особо и некуда. А тут почет, уважение (неважно, что от обезьян, все равно греет душу) и жратва от пуза. Что еще нужно? Вот только скучно...

Настя-то нашла себе занятие. На заднем дворе тюремного замка оборудовала нечто вроде полигона и целыми днями упражнялась в метании копий, заточек, камней, дротиков. Пращу себе сделала, копье-металку соорудила. На вопрос «на фи́га оно тебе надо?» пояснила, что времена нынче тяжелые, патронов нет, а когда есть, то они быстро кончаются, потому надо совершенствовать первобытные навыки. Фыф проворчал, что при ее уже имеющихся талантах подобная тяга к самосовершенствованию проявляется исключительно от безделья. Что, кстати, вредная кио незамедлительно ему вернула, увидев шевелящиеся занавески на окнах шамьей камеры. Н-да...

Метать железные палки в соломенные чучела Фыфу было неинтересно. У Насти это всяко лучше получалось, а ударить глазными щупальцами в грязь перед кио не хотелось. К тому же если надо кого замочить, то сделать это можно и без грубой силы, просто и элегантно. Есть способы...

Но мочить было некого. И делать – нечего. Дисциплинированные нео исправно несли караул на стенах, днем и ночью ревя с башен и стен свое «Не надоело?». Кормежка была однообразной (мясо с мясом и мясо на десерт плюс два раза раз в неделю какие-то горькие корешки, чтоб зубы от цинги не выпадали), но сытной. Спи сколько хочешь, делай что хочешь, только из замка не уходи, пожалуйста, дорогой, Грок сильно обидится. Так вежливо пояснили Фыфу часовые у ворот, когда он вознамерился прогуляться в окрестностях замка. Можно было, конечно, тем часовым ментально мозги запудрить, но Фыф не стал этого делать. Если живешь на всем готовом в доме отдыха, зачем прессовать обслуживающий персонал, который искренне заботится о том, чтобы тебе было хорошо?

В общем, со скуки принялся Фыф обследовать стены и подвалы замка. Конечно, не обстукивать старинную кладку, а просто мысленно сканировать, сидя на месте в позе древнего буддистского монаха. Например, недавно таким макаром шам древний клад с золотом и кремневыми ружьями отыскал. Все на пользу пошло. Данила с подачи Снайпера золото на какой-то рынок отвез, где обменял его на пушки для Кремля и мечи со стрелами для бутырских нео. Два дня назад заехал на обратном пути, завез обещанное оружие. Так что теперь обезьяны гордо шастали по стенам, вооруженные до зубов, с кремневыми ружьями на плечах и с мечами у пояса, все как у людей. Некоторые под такое дело даже нечто вроде штанов себе скроили и напялили, прикрыв волосатые задницы. Явно косили под Грока, который теперь кроме как в хэбэ и с пулеметом на плече перед подчиненными не появлялся. Нео завистливо шептались, что вожак прибарахлился козырными шмотками и оружием где-то на северо-западных складах, мол, вот бы и нам... Правда, Грок утверждал, что мечтать не вредно и что там, где он все это взял, больше нету и не будет. Но подчиненные верили слабо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.